

ISSN 0869—4788

ОКТАБРЬ

ЮгРА

10 93

Фото В. Назарова

«ЮГРА»
№ 10 (24), октябрь 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц.

Индекс 78716

Редактор:
В.К.Белобородов

Адрес редакции: 626200,
г.Ханты-Мансийск,
ул. К. Маркса,14.
Телефон редакции: 4-12-25.

Журнал зарегистрирован регио-
нальной инспекцией по защите
свободы печати и массовой ин-
формации при Мининформпеча-
ти Российской Федерации.
Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал
можно с любого номера
в местном отделении связи.

Сдано в набор 3.08.93 г.
Подписано к печати 20.08.93 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,8. Уч.изд.л.4,4.
Тираж 2000 экз. Заказ
Цена 24 руб.,
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен
Ханты-Мансийской окружной
типографией.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть» управ-
ления печати и массовой инфор-
мации администрации Курганской
области. 641800, г.Шадринск,
ул.Спартака, 6.

Историко-культурный журнал

Учредители — администрация Ханты-
Мансийского автономного округа,
нефтяные акционерные компании
«Аки-Отыр» и «Югранефть».

В номере:

П. Флоренский. Итоги (отрывок)	2
Музей русского быта	3
Т. Плецкая, Р. Яндулова. Ламбины	5
М. Кайгородова. Останется радость общения	8
Н. Федорова. Песня охотника	10
Ф. Штильмарк. Страницы ненаписанного романа (окончание)	15
М. Яковлев. О моем товарище	21
В. Смирнова. Кирпично-керамзитовое сырье	22
Ю. Прибыльский. В блокаде и ссылке	23
Н. Федорова. Богатыри средневековой Югры: эпос и археология	29
Г. Серебренникова. Учинья. Путь отца	35
И. Гладкий. Из дневников	39
Е. Грошева. Березово — пуп земли (окончание)	42
В. Волковец. Стихотворения.	46
Е. Айпин. Осень в твоём городе	47
О. Тапит. Пояр-богач	51
Н. Калымов. Вспомним о кондинском диалекте	54
Птичья столовая	55
А. Зеленин. Машка.	56
В. Плотников. На фоне больших кораблей (продолжение)	58
Ю. Гордеев. Чирок-свистунок	62

П.А.Флоренский ИТОГИ (отрывок)

Уже давно, давно, вероятно, с 16-го века, мы перестали охватывать целое культуры, как свою собственную жизнь; уже давно личность, за исключением очень немногих, не может подняться к высотам культуры, не терпя при этом величайшего ущерба. Да. Уже давно попытка обогатиться покупается жертвою цельной личности. Жизнь разошлась в разных направлениях, и идти по ним не дано: необходимо выбирать. А далее, каждое направление жизни расщепилось на специальности отдельных культурных деятельностей, вслед за чем произошло раздробление и их на отдельные дисциплины и узкие отрасли. Но и эти последние, естественно, должны были подвергнуться дальнейшему делению. Отдельные вопросы науки, отдельные понятия в области теоретической вполне соответствуют той же крайней специализации в искусстве, в технике, в общественности. И если нередко слышится негодование на механизацию фабричного труда, где каждому работнику достается лишь ничтожная часть какого-нибудь механизма, конструкции, и, может быть, назначения которого он не понимает и которым во всяком случае не пользуется, то сравнительно с этой специализацией рук, насколько более вредной и духовно разрушительной должна быть оцениваема специализация ума и вообще душевной деятельности?

Содержание науки чужой специальности давно уже стало недоступным не только просто культурному человеку, но и специалисту-соседу. Однако и специалисту той же науки отдельная дисциплина ее недоступна. Если специалист-математик, беря в руки вновь полученную книжку специального журнала, не находит, что прочесть в ней, потому что с первого же слова ничего не понимает ни в одной статье, то не есть ли это *reductio ad absurdum** самого курса нашей цивилизации? Культура есть среда, растягивающая и питающая личность; но если личность в этой среде голодает и задыхается, то не свидетельствует ли такое положение вещей о каком-то коренном «не так» культурной жизни? Культура есть язык, объединяющий человечество; но разве не находимся мы в Вавилонском смешении языков, когда никто никого не понимает и каждая речь служит только, чтобы окончательно удостовериться и закрепить взаимное отчуждение? Мало того, это отчуждение закрадывается в самое единство отдельной личности: себя самую личность не понимает, с самою собою утратила возможность общения, раздираясь между взаимоисключающими и самоутверждающимися в своей исключительности «точками зрения». Отвлеченные схемы, они же перспективные единства, перспективы, если допустить такой идеологизм, вытеснили из жизни личность, и ей приходится полузаконно ютиться где-то на задворках, работая на цивилизацию, ее губящую и ее же порабощающую.

Но человек не может быть порабощаем окончательно. Настанет день, и он свергнет иго возрожденской цивилизации, даже со всеми выгодами, ею доставляемыми. Близок час глубочайшего переворота в самих основах культурного строительства.

* Доведение до нелепости (лат.).

МУЗЕЙ РУССКОГО БЫТА

На вопросы редакции отвечает научный сотрудник Нижневартковского краеведческого музея Наиля Финальевна ДЕМИДОВА.

- Уже несколько лет идет работа по созданию в Нижневартовске музея русского быта. Почему определилась именно такая специализация?

- Началось все с краеведения. Нам хотелось узнать истоки Нижневартовска. Мы познакомились со старожилами и выяснили, что это изначально русское поселение. Вначале сюда приехали два брата Ламбины: Артемий Гаврилович и за ним — Тихон Гаврилович, они и являются, мы считаем, основателями поселения. Семьи у обоих были огромные. У Артемия Гавриловича из четырех сыновей в живых остался только один — Степан Артемьевич, да и он тоже чуть не погиб на войне, вернулся инвалидом. Детей у него не было. Интересно то, что из большой семьи второго брата, Тихона Гавриловича, никто не уехал отсюда, эта ветвь почти полностью представлена в Нижневартовске — и сыновья, и дочери, и внуки, и правнуки. Мы исследовали родословную Ламбиных, собрали большой материал.

В старой части города сохранился небольшой двухэтажный дом, до недавнего времени принадлежавший узлу связи. Вместе со Степаном Артемьевичем, после изучения архивных данных расспросов старожилов, мы пришли к выводу, что этот дом построили братья Ламбины. Предыстория такова: в 1915 или 1916 году община решила тут построить церковь. Недавно умершая Евлампия Кононовна Крюкова рассказывала мне, как она с отцом приезжала на Пристань (так тогда назывался Нижневартовск) за покупками и слышала, как мужики, строившие церковь, в беседе с отцом говорили, что строят «на остояцкие деньги». В этой артели работали и братья Ламбины. Когда церковь была закончена, община разрешила им взять оставшийся лес на постройку собственного дома. Из остатков церковных бревен они выстроили этот дом, поселились в нем и жили до 30-х годов. Затем половина Артемия Гавриловича была передана сельскому совету. Видимо, совет выделил ему ссуду на постройку нового дома, а эту половинку закупил Тихон Гаврилович жил в доме еще какое-то время. Но уже в 1937 году он полностью перешел в собственность службы связи. Там и почта была, и радиостанция, и начальник почты был, и радист — все каким-то образом умещались. В 1988 году мы попросили начальника узла связи передать этот дом на баланс отдела культуры, чтобы открыть там дом-музей Ламбиных. Такова в то время была наша концепция.

А потом наши взгляды изменились. В конце 80-х годов в городе стали появляться различные общины по национальному признаку, оформилось казачество, и мы подумали: а почему нет русского общества? Ведь русские с давних времен населяют эту землю, а сейчас как-то растворились в общей массе. Поэтому мы решили: конечно, мы будем рассказывать о Ламбиных как первооснователях Нижневартовска, но все-таки это будет не мемориальный дом, а музей русского быта. Покажем в нем, как русские поселенцы начинали обживать эту сибирскую землю, как обустривались, какие были типы построек. На девяти сотках, которые нам выделили, мы будем ставить и небольшой скотный двор, и другие типично сибирские строения. Видимо, нужно будет более широко затронуть историю освоения русскими Сибири, мы уже сейчас чувствуем интерес горожан к этой теме, тех же школьников. Донефтяная история этих мест богатая, но ее не изучали, не берегли, и теперь мы пожинаем плоды. Например, в Ларьяке, по-видимому, еще с начала 18-го века стояла церковь; в конце того же столетия, по данным историка М. Шатилова, был приказ перестроить ее заново. Церкваушка обновлялась, перестраивалась и стояла до нашего времени, а в 1980 г. не нашлось ничего лучшего, чем за ненадобностью раскатать ее на дрова. Если бы хоть кто-нибудь заинтересовался трудами Шатилова, нашлись два — три энтузиаста, этот исторический памятник сохранился бы. А теперь его нет. И музей русского быта должен помочь вернуть людям историческую память. Не имея еще крыши над головой, мы собрали богатый фонд и уже видим, что не сможем всего вместить в небольшой домик, придется кое-что представлять в виде макетов, зарисовок, устраивать временные экспозиции.

— Теперь у меня к Вам, Наиля Финальевна, второй большой вопрос: как в нынешних условиях культурные проекты воплощаются в жизнь, как они завершаются? Что говорит Вам опыт?

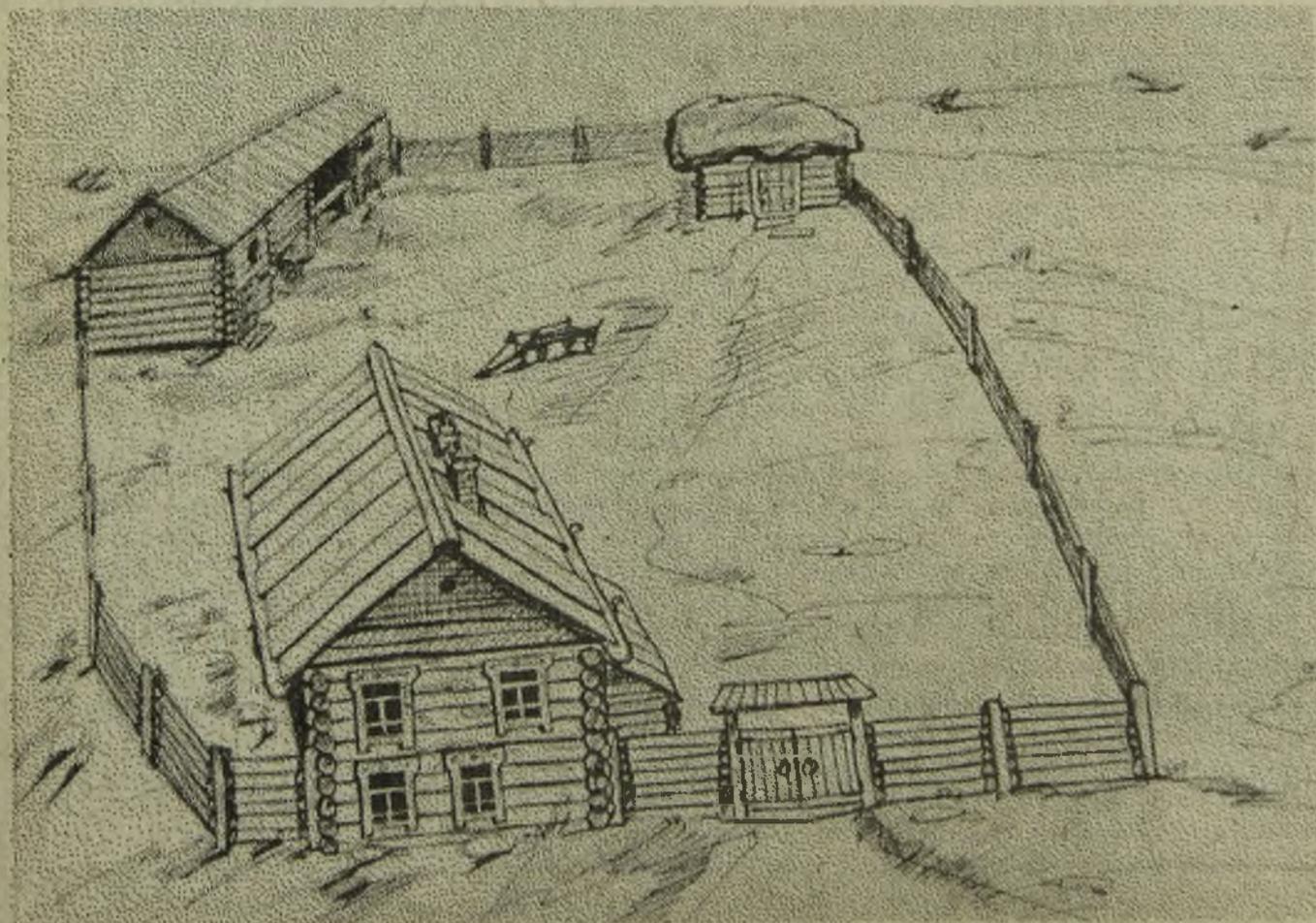
— Интересно вот что: раньше было очень трудно добиться, чтобы какая-то идея нашла отклик в верхах; все было сложно — и освободить дом, предоставив квартиры жильцам, и передать его с баланса на баланс. Но когда нам дом передали, открылся зеленый свет, сразу выделили деньги на капитальный ремонт. Однако мы столкнулись с другой проблемой: оказалось, что у нас перевелись умельцы, которые смогли бы вручную поставить обыкновенный деревянный дом. А мы не можем делать его на пилораме, рубленый так рубленый, тесовая крыша так тесовая — все должно быть исторически достоверно исполнено.

Три года мы безуспешно искали плотников. Сейчас вот взялся за эту работу директор акционерного общества БАС НВ Андраник Тигранович Саркисянц. Он нам предложил проект, который принят, оплачен и ведется по нему строительство.

В большой обиде мы на участок леспромхоза, расположенный в поселке Зайцева Речка. Дело в том, что там место возвышенное и растут такие сосны, какие и нужны нам на строительство. В прошлом году участок сорвал вывоз строительного леса, в этом году — то же самое. Вместо отборного леса загрузили лесовозы каким попало, они дорогой перевернулись, и на этом все кончилось. Директор музея Нина Александровна Гасникова едет, заниматься чисто мужским делом — отбирает лес. С начальником, Петушковым, никак не можем договориться, он вроде бы даже и понимает нас и в то же время ничего не получается.

Вот и судите, как условия изменились — в лучшую сторону или в худшую? Когда администрация города стала нас понимать, когда стали выделять деньги на развитие музейного дела (мы ведь не знаем ни в чем отказа, можем приобретать оборудование, экспонаты, выезжать в любые командировки), мы встречаем сплошное непонимание в массах. Но я надеюсь, что в этом году будет создан, наконец, наш музейно-выставочный комплекс. Город у нас молодежный, больше 40 тысяч детей — надо работать на них. Хотелось бы, чтобы побольше и выставочных залов было, и картинная галерея нам нужна. И, конечно, музей русского быта.

Интервью взял В.Белобородов.

ФАМИЛИЯ ЛАМБИНЫ

Воскресное утро. В фойе дома культуры «Юбилейный» многолюдно. Тихо льется спокойная музыка. Жители Нижневартовска знакомятся с фотографиями, размещенными на стенах фойе, с героями сегодняшних событий. В эти утренние часы на сцене дома культуры состоится встреча прошлого и настоящего, встретятся люди, чье взросление, становление неразрывно связано с развитием нашего края. Встречу представителей рода Ламбиных организовали исторический клуб «Истоки», общество охраны памятников истории и культуры и городской краеведческий музей.

Более 150 человек насчитывает сегодня ламбинский род. А основоположником его был крестьянский сын из-под Тобольска Гавриил Давыдович Ламбин. Все дети Ламбиных были причастны к буреломным октябрьским событиям начала 20 века. Старший сын Гавриила Даниловича и Натальи Осиповны Михаил жил под Тобольском, погиб в 1918 году. Его трем сыновьям — Николаю, Владимиру и Григорию пришлось окунуться в будни новостроек, встать на защиту Родины в трудную годину. Вся родовая ветвь от Михаила обосновалась сегодня в Тобольске и Тюмени, в ней 23 человека.

У второго сына Ламбина — Артемия за плечами окопы первой мировой войны. Это тот самый Артемий, который стоял в карауле Тобольской тюрьмы, охраняя Николая II, тот самый, с которого начался род Ламбиных в наших нижневартовских краях. А было это так...

Есть под Тобольском село Котино. Там в 1908 году родилась молодая семья Ламбиных — Артемия и Агаши Котовой. Он был парень мастеровой, она красавица да хозяйка хорошая. Жить бы им да радоваться, да уж больно местный поп докучал налогами. Не выдержал однажды Артемий и святого отца в зашей вытолкнул из избы. В ту же ночь летом 1909 года сели они в лодку, взяли скудные пожитки и ушли вниз по Иртышу, вверх по Оби. Остановились в наших краях. Здесь была артель по заготовке дров, куда и нанялся Артемий. А Агаша — работницей к местному купцу Кушникову. В ту же осень вырыли землянку. Здесь и родился первый сын Александр. Через год поставил Артемий домишко из бревен. Это было на нашем берегу Оби. Здесь и родились их дети — Наталья, Степан, Михаил и Леонид.

Вскоре сюда приезжает младший брат Артемия Тихон. С 1911 года он ушел в армию и пробыл там 7 лет. Зимой 1918 года в Нижневартовск возвратилось 5 демобилизованных солдат. С ними был и Тихон Ламбин. 18 марта 1918 года решением сходки граждан двух сел — Нижневартовска и Вампугольска (в прошлом Верхневартовска) здесь была установлена советская власть. Первым председателем сельского совета стал Тихон Гаврилович Ламбин.

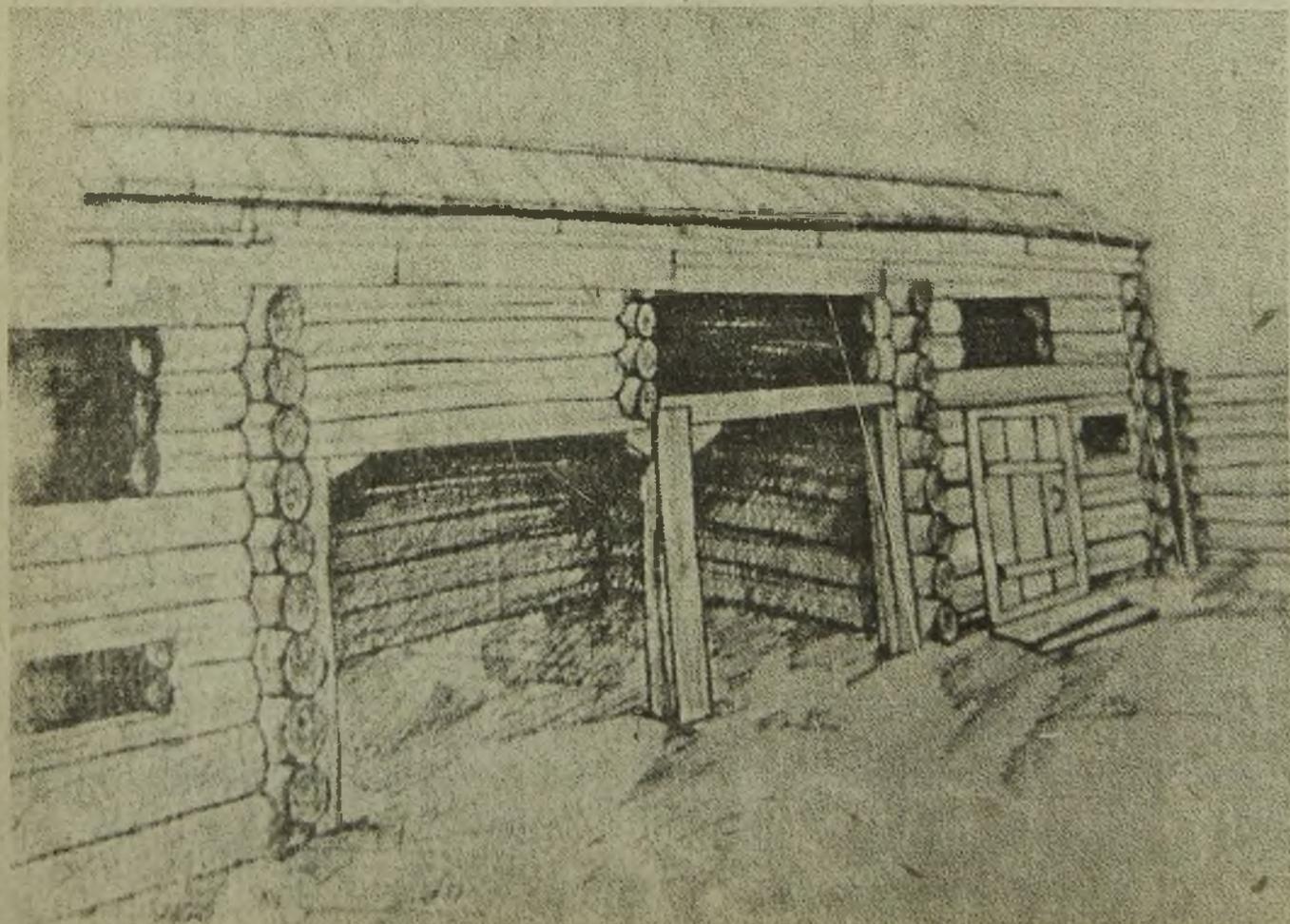
В семье у Тихона и его жены Пелагеи Пшеничниковой было 7 детей. В числе первых в 30-ом году они вступили в колхоз. Все пережили они — и голод, и войну. Свои три георгиевских креста отдал Тихон в фонд обороны. С 1944 по 1948 год жена его была председателем рыбартели.

Четвертый сын Натальи и Гавриила Ламбиных — Степан. Год смерти — 1921. От второго брака у Натальи Осиповны (после смерти Тихона Гавриловича) было еще двое детей — Таисия и Василий. Сын Василий погиб в 1921 году, во время мятежа на Обь-Иртышском севере. От Таисии в роду Ламбиных начинается родовая ветвь Томингасов. В ней сегодня насчитывается 35 человек. Том Генрихович Томингас (муж Таисии), коренной ленинградец, был направлен в Сургут в 1920 году. Участвовал в событиях 1921 года, устанавливал советскую власть в крае.

Невозможно рассказать обо всех внуках, правнуках и праправнуках Ламбиных. Это Ивановы и Новиковы, Быковы и Кондратьевы, Долгушины и Чистяковы, Лопаткины и Толяровские и многие другие. В настоящее время в Нижневартовске живут и трудятся трое близких человека рода Ламбиных со своими семьями. Это третий сын Артемия — Степан, сын Тихона — Геннадий и дочь Тихона — Нина.

Год рождения Степана Артемьевича — 1924-й. Год мужания — 1942-й. Это год большой воды в здешних краях и начала большой беды для страны. Все ученики были мобилизованы для заготовки корма скоту. Травы не было — собирали ветки, перегоняли скот с места на место. 26 августа 1942 года взяли Степана Ламбина на фронт.

В 1942 г. Ханты-Мансийский окружком партии обратился к матерям, женам и сестрам фронтовиков с призывом овладеть рыбацким делом, заменить на путине мужчин. Среди тех, кто откликнулся на призыв, была и будущая жена Степана Артемьевича Ламбина — Прасковья Ивановна. всю работу женщины делали вручную. Рыбы было очень много.

Ловили неводом, сетями, фитилями. В дни, когда привозили соль, люди не спали сутками. Старались засолить как можно больше рыбы и сдать государству. Очень трудным было военное время: не хватало еды, одежды, обуви, рыбачили босиком до октября, пока не выпадет снег, только тогда людям выдавали обувь, да и та едва защищала от холода. Обувь (чирки, нырики) шилась из кожи коров, верх же был тряпичный, из мешковины. Дисциплина в военное время была очень строгой. За опоздание на 5 минут присуждали три месяца принудительных работ с исчислением 25% из зарплаты, вторичное опоздание — 6 месяцев принудительных работ. Третье опоздание кончалось полугодом тюремного заключения в Ларьяке.

Послевоенное время Степана Артемьевича и его жены Прасковьи Ивановны было связано с самыми отдаленными точками района. Работали они в красных чумах в Сабуне, Колек-Егане, Тольке и др., заслужили большое доверие коренного населения. Было время, когда молодым пришлось вслед за родителями покинуть сибирскую землю, но Сибирь манила их назад преобразованиями, происшедшими за годы их отсутствия. Их крошечный поселок Нижневартовск становился городом. И Степан Артемьевич и Прасковья Ивановна возвращаются. Выйдя на пенсию, Степан Артемьевич не может сидеть без дела. Многие годы был членом совета ветеранов, в настоящее время — активный участник клуба «Истоки».

Биография сына Тихона Гавриловича Геннадия также связана с военным временем. Год его рождения — 1924. В 40-е годы он был еще мальчишкой. Но наравне со взрослыми добывал рыбу. В 17 лет он уже бригадир. После войны долго работал на рыбозаводе, два года — на почте радистом. На той самой почте, что была размещена в их родовом доме (ул. Первомайская, 15). Последние десять лет работал Геннадий Тихонович в обществе охотников. Оттуда и на пенсию ушел, оставив о себе добрые воспоминания.

У Геннадия Тихоновича и его жены Нелли Васильевны пятеро детей, все они трудятся в нашем городе: отстраивают его, добывают нефть, повышают культуру и образование наших детей. А сестра Геннадия Тихоновича Нина (по мужу Лопаткина) работает в одной из школ города. У Ламбиных этой родовой ветви 6 внуков, у внуков свои семьи.

Вот такая обычная и необычная история у ламбинского рода. Встреча родных людей проходила трогательно, ведь многие из них очень давно не виделись. И как они были рады тому, что смогли собраться и приехать на землю своих предков, взглянуть по-новому на свой род, его историю, на новый город.

Чудесно прозвучали слова песни Ю.Визбора «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...» в исполнении Валерия Спиридонова-Томингаса, который на вечере чествования своего рода как работник дома культуры «Юбилейный» не мог не сделать свой личный музыкальный подарок. Эта встреча была заснята на видеокассету, которую могут посмотреть в кинозале краеведческого музея все, кто захочет ближе познакомиться с родом Ламбиных.

Т. Плещкая, ответственный секретарь городского отделения ВООПИК.

Р. Яндулова, экскурсовод краеведческого музея.

На снимках: эскизы будущих сооружений музея русского быта.

Останется радость общения

Выставка рисунков юных художников округа состоялась в ДК «Октябрь» г. Ханты-Мансийска. К счастью, она не стала сухим, формальным событием. Зрители надолго запомнят талантливые, искренние работы детей. Они приятно удивили разнообразием сюжетов, техники исполнения, индивидуальностью авторов. В своих работах ребята воссоздают окружающий мир, иллюстрируют прочитанное, ведь оно в ярком детском воображении становится живой картиной. Для достижения этого они много занимаются. Учатся правильно пользоваться материалами, обучаются умению сгармонизировать композицию во всех ее частях. Здесь явно преуспели юные художники из города Мегиона, Урая, Нефтеюганска.

Необычайным лиризмом и поэзией проникнута акварель «Мой мир» Кати Ключевой из Мегиона. Томик стихов, свеча... на первый взгляд, здесь интеллектуальная игра, желание 14-летнего автора заявить о своих пристрастиях в искусстве, но истинный смысл этого явления гораздо шире. Эстетическая традиция выступает в качестве промежуточного звена, связующего молодого автора с духовным историческим опытом всего человечества. В скромной и по размерам, и по колориту акварели настолько сильно и удачно взаимодействие реального с идеальным, что каждый образ несет в себе заряд духовной энергии, не оставляет равнодушным взгляд и мысль зрителя.

Интересные работы представила Таня Гончарова / г. Мегион. / — 10 листов, выполненных тушью, «Загадки ханты» посвящены этнографическим изысканиям. Четкая композиция, своеобразный метод подачи материала чувствуется в каждом из листов юной художницы. Нельзя не отметить стремление автора постичь труднодоступную простоту, выявить духовные ценности, композиционно-пластические поиски, которые заслуженно увенчались несомненным успехом. Мир людей, жизнь человека, связанная с землей и небом, в этих работах представлена философски осмысленной, опозитизированной, это не «медвежий угол», а часть Вселенной. «Натюрморт с яблоками» Гимрановой Яны /г. Урай / привлекает внимание свежестью, непосредственностью исполнения. Материя стремится к одушевлению, это совсем не «неживая природа», напротив, кажется, дай автор чуть больше воли изображаемым предметам, и ... каждый скажет свое слово!

Лена Граблева /г. Урай/ представила интересную композицию «Мое любимое занятие» («Балерина») (акварель, гуашь). Здесь сложная работа — задействовано зеркало, и юная художница решает эту задачу естественно и легко. Чувствуется определенное мастерство и смелость.

А вот еще одна прекрасная работа — акварель «Осень» Люды Прониной из Нефтеюганска. Богатство осенних листьев, множество газетных листов, киоск с газетами. Вспоминаются осенние стихи А.С. Пушкина, создано особое состояние увядающей царящей вечной поэзии. И грусть по уходящему: прошлогодними станут листья, устаревшими газетные новости, все пройдет...

Жаворонкова Аня /г. Сургут / щедро поделилась радостным настроением, представив взгляду зрителей свою работу «Зимний праздник». Нарядные веселые люди, раздолье праздника, нестандартная точка зрения, с которой показывает картину автор, — все это создает особое «кустодиевское» настроение, вспоминаются его разудалые «Масленицы». Обращение к великим мастерам прошлого, их традициям тоже похвально для исканий юных художников.

Семилетняя Лена Шпаковская /г. Покачи / создала замечательную акварель «Цветет иван-чай». Тонко подобранные краски, внимательный взгляд девочки ставят эту работу в ряд самых интересных.

Альфред Геннатулин /г.Сургут/ — автор работы «Трубовоз застрял» (гуашь). Она выполнена в виде зарисовки, словно в едином порыве, привлекает своей художественностью, мастерством.

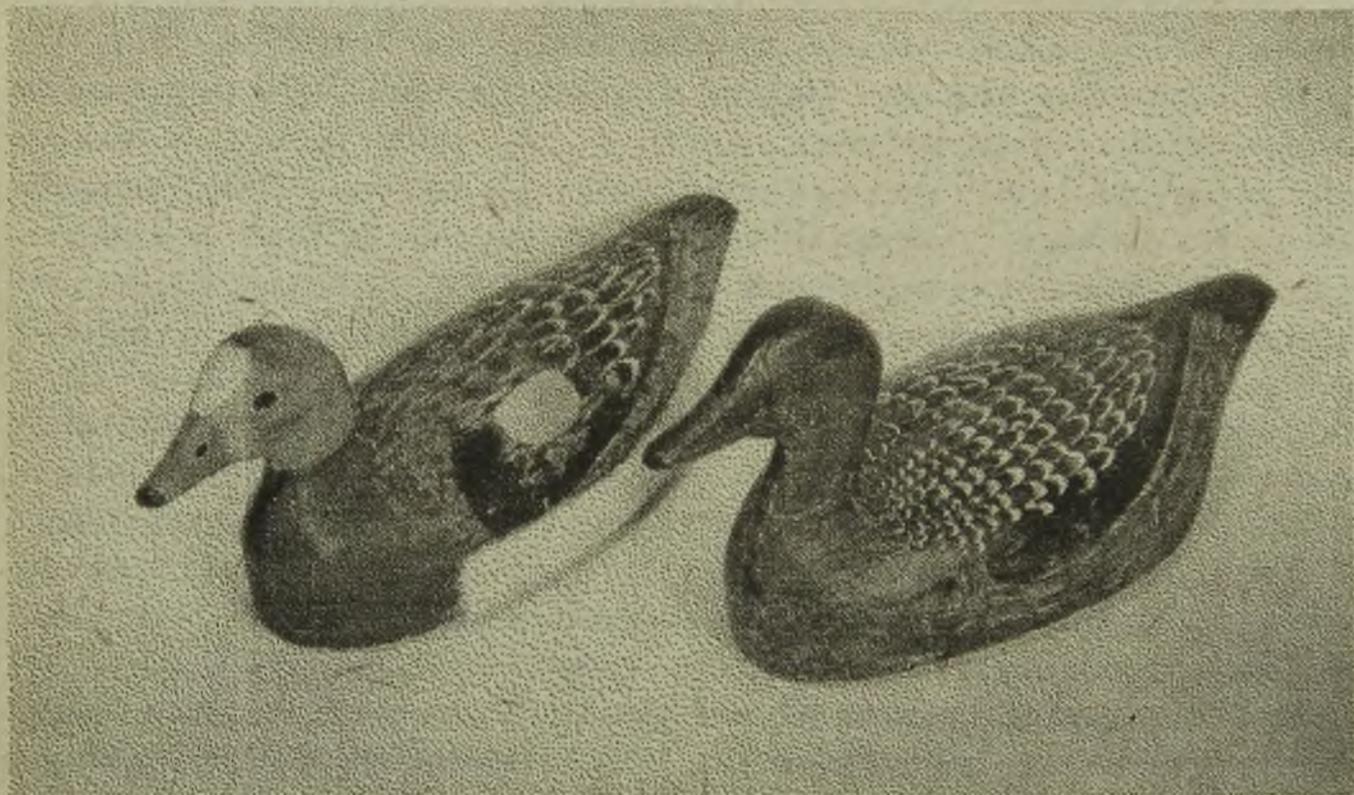
Проходят дни, каждый из них приближает закрытие выставки. Разрушатся установившиеся связи, соседство работ, будут сложены листы с рисунками. Но останется впечатление от созданной выставки, запомнятся зрителям их любимые работы и фамилии ребят, запомнится радость, испытанная от общения с живым и своеобразным творчеством. И останется ожидание новых встреч, интерес к тому, что еще будет создано юными художниками. А пока — добрые пожелания всем участникам выставки, успехов их терпеливым учителям, творчества всем и счастья!

М. Кайгородова,
искусствовед

Песня охотника

Впервые мы знакомим широкого зрителя с художественными произведениями рыбака и охотника из поселка Ванзеват Белоярского района Артема Григорьевича Гришкина. К изобразительному творчеству он обратился совсем недавно. Он пишет картины, режет скульптуры. Интереснейший сплав картины и скульптуры представляют собой выполненные им крашенные рельефы (доска, резьба с выбранным фоном) серии «Охота», хранящиеся в собрании Тюменского музея изобразительных искусств.

Своими размышлениями о творчестве А.Г. Гришкина делится искусствовед Наталья Николаевна Федорова.

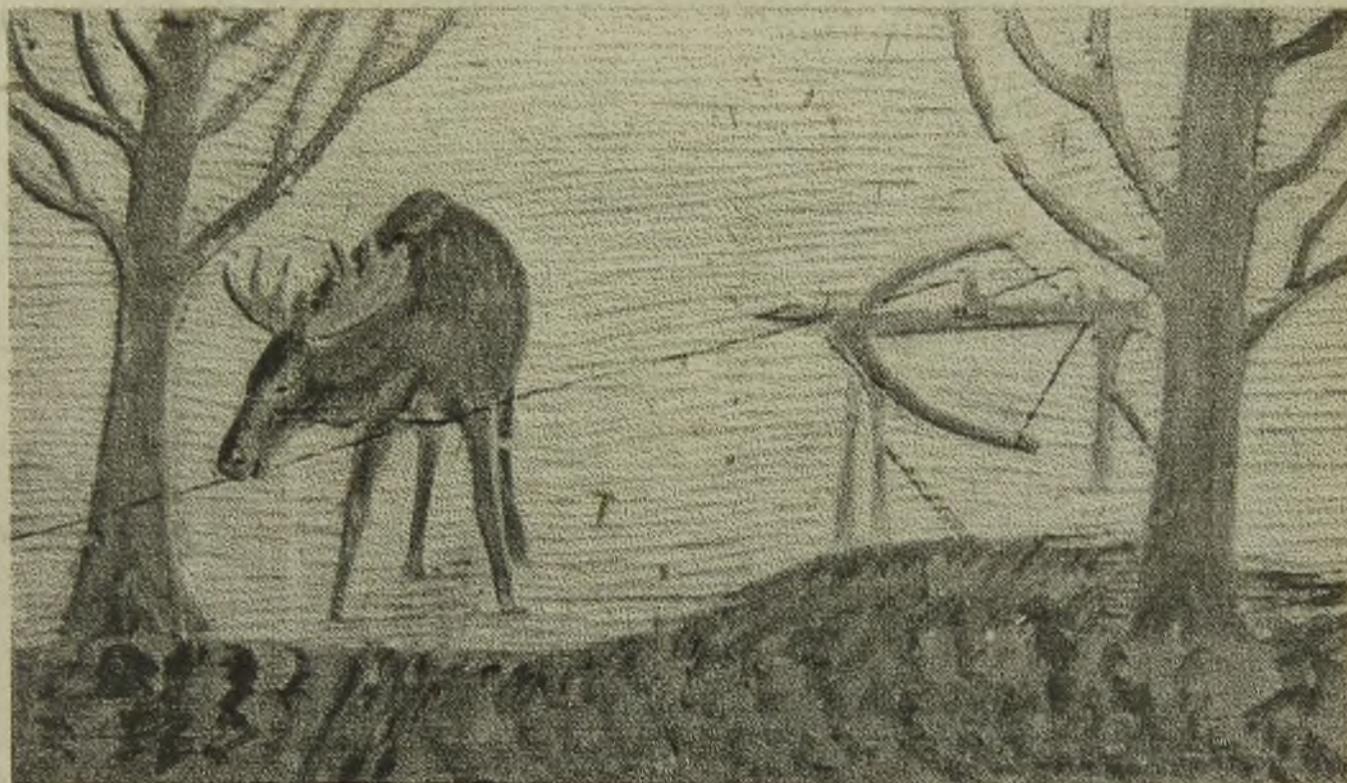

— Когда я увидела работы Гришкина, я восприняла их как очередной выплеск народного гения, который особенно силен, может быть, в наше время и на нашей Югорской земле. Культура жива, песенный фольклор жив, и сам Гришкин — великолепный исполнитель народной музыки на национальных инструментах, носитель фольклора, весь образный строй — внутри него. Мало того, он один из лучших мастеров по изготовлению национальных музыкальных инструментов, он делал и делает удивительные манки на уток — образец бытовой скульптуры, то есть он яркий носитель народного гения, который во всем его комплексе передается из поколения в поколение. И когда он вышел на пенсию и появилось время, чтобы полнее все это выразить, он занялся живописью.

Интересно то, что сначала он писал картины на холсте маслом, в совершенно непривычной для человека этой земли технике, и они не настолько самобытны. Раньше ханты не рисовали, не изображали, допустим, пейзажей, а все шло в основном через орнамент. Но когда после этих первых картин я увидела его рельефы из серии «Охота», сделанные на дереве с подкраской, это было откровением. Это тот истинный путь, который он нашел, мне кажется, интуитивно. Взял привычный ему, родной материал, распилит доску и на ней теми же инструментами, теми же приемами, которыми делает лодку, нарьсюх (а это тоже лодочка, тоже долбление), раскрашивает своих прекрасных уток — манков, создал резную картину-панно.

В чем состоит образность картин Гришкина? С одной стороны, может быть, он имел в виду конкретную задачу изобразить различные предметы — орудия ловли зверей, нащеп средства, как лучше сделать, и эти изображения могут рассматриваться как материалы для этнографа: тут и самострел на лося, и копье, и прием древней охоты на медведя, и ловушка на горностая. Но, с другой стороны, у него получились настоящие картины. Как человек фольклорного типа он не мог все завершить на простом изображении да, думаю, и не ставил такой задачи изначально. У него в результате получилось как бы размышление о природе в ее пограничных состояниях между жизнью и смертью. Эти работы — словно застывшее мгновение.

Удивительно, как он нашел принцип композиционного построения этих работ. Все они составляют как бы своеобразный фриз, где горизонтальное пространство перетекает из одной картины в другую, как в ленточном орнаменте. Каждая картина — это как бы знак орнамента, постоянно повторяющийся в ленте жизни. Везде намечена полоска

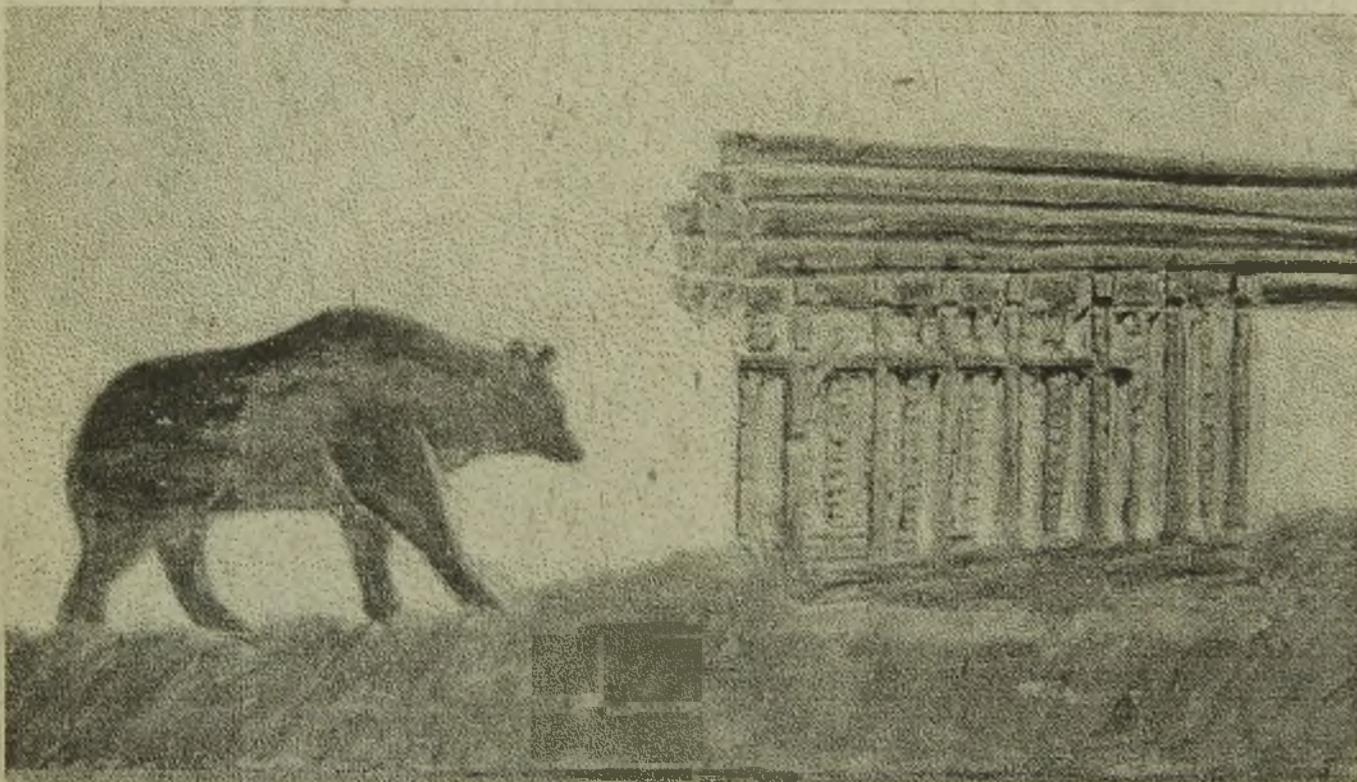
земли и некое условное состояние — вода и воздух одновременно. И вся горизонталь земного — небесного пространства так же, как и в сказаниях, как и в орнаменте, состоит в основном из двух цветов: темно — светлое. Жизнь движется по этой бесконечной линии, и каждый ее кусок находится в каком-то напряжении. Здесь у него удивительное сочетание: с одной стороны, по сюжету, кажется, момент — и этот зверек найдет погибель, а с другой, по тому, как выстроена вся ритмика, как вырезаны волны фона, выписаны ветви деревьев, очень мощные и очень плавные, есть ощущение вечной жизни. Это как в песенном фольклоре: песня спета, сюжет небольшой, но за ним стоит вся жизнь человека.

Композиционное, ритмическое строение, пластика — все это находится в стиле хантыйского народного изобразительного творчества, уходит корнями в орнаментику, в пластику изделий, изготовленных из дерева, в фольклорное понимание образа дерева. Это же очень сильный собирающий образ. И здесь у него так мало деталей. Почему? Во-первых, потому, что материал — дерево, а во-вторых, здесь не вся земная жизнь показана, а вычленен кусок: охота, ее кульминационный момент, ощущение грани жизни и смерти. И этот кульминационный кусок, как и песня, выражен со всей силой, которая чувствуется в каждом изгибе дерева, в пластике

движения зверя. При этом все погружено в какую-то гармонизированную ритмику фона, который этот конкретный сюжет выводит за рамки частного случая, как бы помещает его в вечно длящуюся жизнь.

Когда я смотрела на эти рельефы Гришкина, то почему-то вспоминала о Райшеве — о том, что он нашел свой стиль изображения северного пространства, ключ к своему языку, обратившись к гравюре. Дело в том, что гравюра — это не просто рисунок, а это плоскость доски, или линолеума, или металлической пластины, где вынимается резцом изображение. Художник работает, как народный мастер — теми же движениями, теми же ритмами. И та же условность создается, потому что, вырезая на плоскости, не будешь изображать какие-то листочки и прочие детали. То есть путь в принципе аналогичный.

Артем Григорьевич мне рассказывал о замыслах своих новых работ. При этом он не говорил о том, что хочет изобразить какой-то уголок природы или конкретного

человека, а говорил образами, взятыми, наверное, из его песен. Искусство народов Севера, их изобразительный стиль тем и отличается от привычного для нас, что здесь трудно говорить о жанрах. Вот берется конкретный предмет и изображается — получается натюрморт. Или конкретный человек, конкретная местность. В стилистике северных народов этого нет, ее особенность определяется тем, что изначально берется какой-то образ и он воплощается.

Артем Григорьевич — тип чисто художественный, таких людей очень много среди настоящих северян, и у него, как мне кажется, стихийно родилась эта серия. Все работы выполнены в его индивидуальном стиле, подобного ему нет. С другой стороны, можно увидеть сходство с работами художников 30-х годов — и Панкова, и Натускина, — потому что понимание пространства, пластики едино. Конечно, он не задумывался над стилем. Как носитель всей хантыйской культуры, человек творческий, свободный, чисто художественная натура, он выдохнул свои творения, будто спел песню. Это был именно стихийный выплеск. И хотя Гришкин не обучался специально ремеслу художника и вообще недавно за него взялся, но для становления изобразительного стиля народов ханты и манси в современных формах его творчество — это целая страница.

Если обратиться к творчеству Панкова, Натускина и других художников 30-х годов, можно сказать, что по своей сути это та же спетая песня. Но им талантливейшие ленинградские художники помогли чисто технически — овладеть новым материалом (красками), вступить с ним в контакт. А когда им технологию показали, они моментально переложили ее на свой изобразительный язык, и на полотнах северян зритель увидел волшебство цвета.

Этот же богатый генетический пласт позднее проявился в творчестве Шешкина, Тебетева, хотя они, участвуя в выставках совместно с русскими самодеятельными художниками, и испытали на себе культурные влияния своего времени. А там уже Райшев со всей его грандиозностью, масштабностью разработки этого потенциала.

Может быть, эту загадку еще предстоит разгадывать, но почему-то именно в нашем регионе выстраивается линия преемственности от мощного всплеска 30-х годов до Райшева.

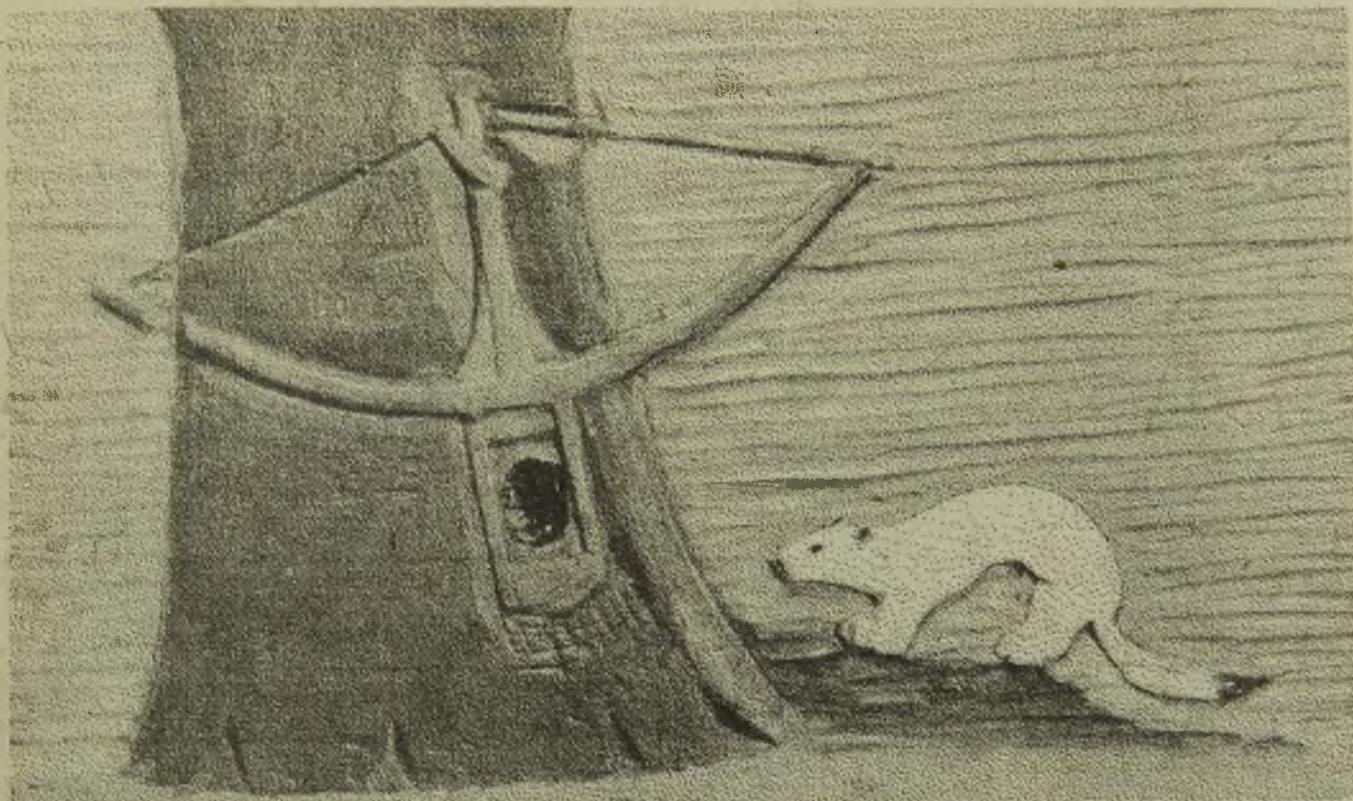

Между ними нет вакуума, а есть цепочка из других авторов. И творчество Гришкина — еще одно подтверждение существования общей стипевой основы при разнообразии вариантов. И пока есть почва, живая и дышащая, будут рождаться художники.

Живет дух в народе. Удивительно огромное желание изнутри народа передавать свое духовное наследство, продолжать его. Раньше, когда инициатива шла извне (какие-то клубные мероприятия и т. п.), люди, наоборот, уходили в себя, и эти две формы никак не контактировали. И достаточно было маленького импульса, чтобы, как и в 30-е годы, внутренняя готовность передавать и возобновлять накопленное в национальной культуре вылилась в действие. Взять, например, такое явление, как медвежий праздник — на нем исполняются незаписанные священные песни на древнехантыйском языке, которого молодежь не понимает, и тем не менее они до сих пор передаются. Значит культура этих народов живая, а не только зафиксированная, записанная в книжке или на листе по правилам нотной грамматики. Принцип ее на протяжении веков состоял в том, что она постоянно должна передаваться. И этот механизм не сломан, он живет. Люди знают, что песни не записаны — их надо помнить и передавать. И вот в этой серии Гришкина «Охота» тоже видно желание передать конкретные типы повушек, запечатлеть их в картинной плоскости. Этот мудрый человек не придумывал, какую бы оригинальную картину

нарисовать, ему хотелось воссоздать самоштрел и одновременно чтобы была картина — соединить их в некий образ. В натуре он самоштрел вырезал, а как изобразить — это подсказало его песенное, фольклорное видение мира. И получились совершенно удивительные произведения.

Конечно, здесь необходимы хорошие импульсы, и часто они идут от контакта культур, когда одна культура проявляет интерес к другой. Опять я возвращаюсь к тридцатым годам, когда прекрасные специалисты, обладающие большой культурой, поняли, что у одаренных студентов Института народов Севера в потенции — великий стиль, и он может быть блестяще выявлен. Они создали для северян возможность проявить себя в новых формах. Это был сильный стимул. Представители одной высокой культуры увидели столь же высокое достоинство другой культуры, произошел контакт, который дал замечательный результат. Принципиальное значение здесь имеет то, что был интерес к тому, как же северная культура может заработать в

новом материале. Была востребованность. Позднее была востребованность на другом уровне, когда проходили выставки самодеятельных художников. А сейчас идет всплеск уже на уровне самосознания народа, даже, может быть, инстинкта самосохранения своей культуры не только на стыке двух культур, но и на рубеже двух веков, двух тысячелетий, вообще на новом витке цивилизации. Как историк искусства я знаю, что на любой рубежный период приходится всплеск культур. Творческая энергия народа увеличивается от самого ритма времени, от контрастов жизни, которые усиливают восприятие своей культуры, самого себя, концентрируют энергию. И интерес к культурам северных народов уже рождается — подлинный, глубокий интерес, а не на уровне лозунгов, как это было раньше.

Записал В.Белобородов.

Фото В. Турбина.

СТРАНИЦЫ НЕНАПИСАННОГО РОМАНА

(Жизнь и деятельность зоолога Вадима Раевского)

Вот и новый поворот сюжета: вместо Ставрополя и Калмыкии с чумными сусликами — бескрайние просторы тайги, заброшенный на сотни верст от ближайшего города крохотный поселок у таежной речки, заснеженные болота, соболя тропы, постройки бобров. Но в 1934 году Раевский вместе с женой, которая получила назначение в Барнаул, вновь становятся горожанами. Работы по специальности зоолога Вадиму Вадимовичу в Барнауле найти не удалось, он стал литературным сотрудником редакции в газете «Красный Алтай». По свидетельству Ольги Вадимовны, Раевскому приходилось работать и непосредственно в типографии, а это вызвало обострение возникшего еще в раннем детстве туберкулезного процесса.

Жилось в Барнауле Вадиму Вадимовичу не сладко, и он очень тосковал об оставленной жизни таежника. Об этом, в частности, свидетельствует письмо, направленное им из Барнаула директору Кондо-Сосвинского заповедника Васильеву.

«Глубокоуважаемый Василий Владимирович!

Полтора года, проведенные мною жизнью горожанина, показали мне, что ни душой, ни телом я к этой жизни не приспособлен.

Вы, по-видимому, знаете, что сперва меня хотели судить, а затем, когда смилоствивились, не дала мне возможности выехать болезнь жены — с тех пор возвращение на Малую Сосьву — это единственная моя мечта, поглощающая половину всех дум. (Зов тайги и Севера оказывается для Раевского привлекательнее возвращения к прежней научной работе в Ростове или даже в Москве! — Ф.Ш.).

Василий Владимирович! Если Вы считаете меня способным вести работу охоттехника или любую другую (помню Ваше желание и думаю, что это было говорено в шутку, остаться егерем на кордоне), то черкните ответ.

Я готов работать в охотсовхозе или заповеднике на самых скромных условиях — ЛИШЬ БЫ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВНОВЬ ДЫШАТЬ ВОЗДУХОМ ЛЕСА. (Выделено нами — в этих словах весь Раевский...)

Что у меня имеется к такой работе, к такой жизни — Вы знаете. Знаете также и то, что чудовищные котомки, весла, нарты и даже олений хорей не заставляли меня отступить. Ваш ответ для меня очень много будет значить...

Ваш В.Раевский. г. Барнаул. Зап. Сибирь. ул. Республики, 5.»

Между тем, страшная машина сталинско-ежовских репрессий продолжала набирать обороты и била в первую очередь по культурному слою народа, по истинной интеллигенции. Волны арестов катились по всей стране, по Сибири, не миновали они, конечно, и Барнаула. В роковой для многих 1937 год микробиолог Аня Раевская, член ВКП (б), была арестована и получила «десять лет без права переписки». Фактически же молодую женщину замучили в подвалах НКВД, оставив ее близких в неведении и недоумении.

В это время (очевидно, перед самым арестом) Вадим Вадимович снова выехал на Малую Сосьву, чтобы продолжить работу там, в Кондо-Сосвинском заповеднике. Судя по анкете, он был оформлен научным сотрудником в июне 1937 года. Тогда же ему удалось договориться о преобразовании фельдшерского пункта в Хангакурте (туда была переведена из Шухтунгорта центральная усадьба заповедника) в постоянную больницу, где А.Ф. Раевская согласилась работать врачом...

Вот что писала в 1970 г. Ольга Вадимовна в своих воспоминаниях.

«Незадолго до смерти он говорил мне, что, находясь в тайге, он всегда чувствовал жену рядом с собой и мысленно беседовал с нею. Только любимая работа и постоянное общение с природой помогали ему переживать это горе. Год его смерти был и годом конца ее десятилетнего срока. Он все ждал и надеялся, что придет от нее какая-нибудь весточка. И уже совсем больной, он не уставал повторять мне, что, где бы она ни оказалась, мы направимся на встречу с ней. Но не суждено ему было даже узнать о ее посмертной реабилитации.

Его редкие приезды в Москву были праздником для нас с братом (матери мы лишились в 1938 году). Мы втроем отправлялись в театр, изредка в цирк. Несмотря на все развлечения, боль утраты любимой жены всегда жила в нем. Он в каждый приезд пытался получить о ней сведения.

Долго оставаться в Москве в бездействии он не мог, начинал тяготиться шумом и многолюдностью столицы. Его тянуло обратно в Кондо-Сосьвинские леса к любимой работе, к привычной тишине таежных избушек. Он очень любил этот край непуганых птиц и зверей, где незаметна была в то время деятельность человека. Он говорил: «Мне нравится, идя по тайге, сознавать, что так было всегда».

Основным объектом изучения Вадима Вадимовича становится соболь. Сотни и тысячи километров таежных маршрутов пешком и на лыжах были пройдены им по тайге и болотам во все времена года с 1937 по 1945 год, когда тема могла считаться в основном законченной. Раевский целыми месяцами не появлялся в поселке, проводя основную часть времени в лесных избушках, нередко ночуя у костров или в балаганах-землянках («хорахотах»), где не было даже печек или чувалов.

«С чувством глубокой дружеской благодарности, — писал в своей книге В.В. Раевский, — я вспоминаю также труд моих технических помощников по работе в лесу, в большинстве прекрасных охотников-промысловиков. Все они — русские, хантэ, манси, селькупы, татары — с увлечением и энтузиазмом участвовали в моей работе, протекавшей часто в условиях, тяжелых даже для этих испытанных таежников, и требовавшей от них действительной любви к своему делу. Особенно много опыта мне передали или оказали большую помощь: К.А. Саиспаев, Андрей Афанасьевич и Александр Андреевич Ячигины, С.А. Жегорич, А. и М. Алюковы, И.П. Савельев, П.Г. Сумрин».

О работе Раевского, его дневниках, исключительно детальных картах и схемах, его таежных приключениях в Зауралье ходили и ходят настоящие легенды. Одна из них, например, связана со случаем, когда неожиданно загорелась избушка, где ночевал исследователь, которому пришлось выскочить наружу чуть ли не босиком и в таком виде (уже на морозе!) пробираться в поселок. Охотовед С.А. Куклин пишет, что в избушку неожиданно «влетел большой глухарь».* Между тем, тогдашний начальник Шухтунгорской ПОС А.Г. Костин в письме к автору этой статьи описывает этот случай иначе (и, по-моему, более достоверно). Раевский заночевал в «харахоте», избушке, топившейся «по-черному», с большой дырой для выхода дыма на потолке. Глухарь же не залетал в дверь сам по себе — Раевский выстрелил из тозовки в копалуху (глухарку), усевшуюся на ветку прямо над землянкой (в то время сотрудники заповедника изучали какое-то заболевание глухарей и просили приносить домой этих птиц для исследований). После выстрела птица упала прямо в дымовое отверстие и забилась в очаге, разбрасывая горящие головешки и угли. Пришлось выскакивать из убежища, схватив ружье и дневники... По версии Куклина и Чеснокова, главной в этой истории является цепь несчастий, связанная с нарушением «святых мест» (еман-тахе). Вера в необходимость строгих запретов на посещение таких участков держалась в тех местах очень долго, буквально до нашего времени. Вот что рассказывала Ольга Вадимовна (это относится к 1946 году).

«Как-то в пути наша подка скользила вдоль берега, поросшего малинником, с которого свешивались крупнейшие ягоды. Я протянула руку, чтобы полакомиться ими, но была остановлена общим испуганным криком: «что вы, что вы, эти ягоды трогать нельзя, здесь же святое место, и всем нам будет очень плохо, если хоть что-нибудь здесь кто-то тронет». Так сильны были традиции местного населения».

* Случай описан Н.И. Чесноковым в очерке «Первый поход»

(ж. «Уральский следопыт» № 12, 1969 г.)

С легендами и поверьями были связаны также многие обычаи аборигенов (хантов и манси), их ритуалы, для которых обязательно требовалась бобровая «струя», их жертвоприношения «шайтану». В.В. Раевскому удалось отыскать и сфотографировать в самых укромных местах малососьвинской тайги потайные «шаманские лабазы». Лишь совсем недавно в Москве были обнаружены в личной коллекции А.В. Кожевникова подлинные фотопленки Раевского со снимками этих достопримечательностей. К пленке приложена написанная его рукой записка следующего содержания:

«Серия снимков шайтанного или святого лабаза в Кондо-Сосьвинском заповеднике. Лабаз постройки примерно 1920-х годов расположен на вершине реки Есс, впадающей в Конду, близ озера Усть-тор, являющегося верховьем Есса. Расположен между юртами Тимка-Пауль (есть на картах) и Хангакурт (тоже есть на картах) на оленьей дороге вблизи промысловых юрт Аах-сунт. Принадлежал семье манси Дунаевых — Вас. Ив. и Афимье Ивановне, находится в бывших промысловых угодьях этой семьи — ныне отошедших в заповедник.

Содержимое (лабазов) — четыре одетых фигуры, запас отрезков мануфактуры, несколько десятков шерстяных кушаков, деньги и стрелы от луков, ставившихся на изгороди на копытных.

Снимки относятся к маю 1940 года. У лабаза — хант, житель пос. Ханлазин Ив.Гавр.Езин /его звали в заповеднике «Ванька безрукий», руку оторвало в детстве выстрелом. — Ф.Ш./ . Ныне лабаз пуст (содержимое вывезено хозяевами).

Снимок стрел, попавших в копытных и после этого заткнувших в расщеп. С огородных луков (т.е. с огорода — Ф.Ш.). Место — юрты Еман-курт, вершина реки М. Сосьвы, май 1940 г. Снимки (два) повешенных обносков одежды, место и время те же, что и для лабаза, указаны выше. В. Раевский».

Это типичное языческое жертвоприношение. «Фигуры» в лабазе символизируют «хозяев тайги» (шайтанов), от которых зависит успех охоты и всей жизни. Характерно, что Раевский бережно сохранил все содержимое лабаза, откуда оно потом было вывезено прежними владельцами.

На фотографиях, запечатлевших самого Вадима Вадимовича, хорошо видно, как сильно изменился этот человек в результате постигших его несчастий. Конечно, и годы сказывались, жизнерадостный юноша стал умудренным горьким опытом мужчиной.

«Наружности он был привлекательной, — вспоминала Ольга Вадимовна. — Нежный девичий румянец играл на его щеках, хороший лоб, часто светившиеся лукавым блеском большие глаза и бронзовые волосы. Очень высокого роста и, как говорят, «косой сажени» в плечах... При таком богатырском сложении он был необычайно скромным, деликатным и стеснительным человеком... Говорил он негромко, не спеша, как бы нехотя роняя слова. Обладая большим чувством юмора, он часто с серьезным лицом смешил нас в семье».

Едва ли не лучший среди всех приведенных снимков Вадима Вадимовича принадлежит Ольге Ивановне Скалон, первой жене будущего профессора Василия Николаевича Скалона, который в 1937—1941 г.г. работал в Кондо-Сосьвинском заповеднике, возглавляя его научный отдел. Опытный зоолог и сильный исследователь, он помогал Раевскому в его работе, ими опубликовано несколько совместных научных статей (о распространении соболя и куницы в Зауралье, о новых видах и подвидах млекопитающих, найденных в заповеднике). Правда, потом возникли трения, о которых мы еще скажем.

Выразительный снимок! Он говорит сам за себя. А вот какое впечатление произвел Раевский на вновь приехавшего в заповедник ботаника Кронида Гарновского. *

«Это высокий, могучего сложения рыжебородый человек лет тридцати с небольшим. Шаги Раевского соответствуют его росту. При взгляде на него мне кажется, что это один из героев

* Гарновский Кронид Всеволодович (1905-1988) ботаник, автор поэтических и прозаических произведений, которые высоко ценил, в частности, В. Бианки. В Кондо-Сосьвинском заповеднике работал вместе со своей женой, Евгенией Витальевной Дорогостайской (р. 1916 г.), дочерью известного профессора В.Ч. Дорогостайского. Цитируется рукопись Гарновского «В Кондо-Сосьвинском заповеднике» (архив автора).

Джека Лондона. В Раевском есть что-то для нас загадочное. Он очень отзывчив, с большой готовностью придет на помощь в трудный момент... Но о чем-либо личном он избегает говорить... Он изъясняется неторопливо, прекрасным языком, в котором каждое слово на должном месте. По всему видно, что он получил хорошее воспитание..., но ему не то не удалось поступить в университет, не то не пришлось его закончить. И еще нам, как и всем в Хангакурте, известно о пережитой им трагедии — аресте и беспследном исчезновении его жены...

Раевский, пожалуй, более чем кто-либо в Хангакурте стоял на страже режима заповедности. Уступчивый, когда дело шло о нем самом, он становился бескомпромиссно-принципиальным, когда в чьих-либо действиях видел нанесение хотя бы незначительного ущерба заповеднику». Это характерное и значительное свидетельство.

Трудно представить себе, какой внутренней силой обладал этот поистине могучий человек, познавший не только все тонкости образа жизни кондо-сосвинских соболей, но и глубинные тайны зауральской тайги. Он вел наблюдения за всеми встречными обитателями леса, дневники его составляли целые рукописные тома, хранившиеся в базовых таежных зимовьях (к сожалению, большинство из них погибли после ликвидации заповедника). Кроме «чудовищных котомок», в которых вместе со снаряжением он уносил в тайгу классические книги, читая их в зимовьях и у костров, Раевский с необычайным достоинством нес на своих плечах честь своей семьи, своих предков, воплощая в том дальнем крае лучшие черты русской аристократии. И это было бы едва ли не главным стержнем для возможного романиста.

Рассказывают, что Раевский читал своим спутникам в тайге «Войну и мир», по его просьбе сестра присылала в Хангакурт пластинки Чайковского и Бетховена, репродукции знаменитых наших живописцев. Чтобы не забыть языка, делал переводы с французского.

«Он не курил и не пил вина, — пишет Ольга Вадимовна, — но, живя в избушках, иногда устраивал для себя встречу Нового года: зажигал все имевшиеся свечи сразу, заваривал хороший кофе и, присоединив к нему какие-нибудь лакомства, читал одну из любимых книг, которые таскал в котомке...»

Кроме котомок таскать приходилось нарты, когда нужно было унести особенно много груза, например, железную печку для нового зимовья в глубине тайги, запас продуктов и все прочее. Зато год от году увеличивался запас сведений о ценнейшем пушном звере, составлявшем славу России. Раевский знал теперь о соболе едва ли не больше всех на всем белом свете...

Началась война, но в заповедной тайге царило прежнее безмолвие. Мужчины ушли на фронт, исчезли товары и продукты, даже письма приходилось писать на обрывках старых обоев. Давно уже освобожденный от воинской обязанности, Раевский писал сестре: «В общем, здесь застой полный, и у меня такое чувство, что незаслуженно мы пользуемся покоем, а про напряженную работу лишь читаем в газетах — но здесь нет предприятий, промыслов, разработок, ничего производительного — остается помогать фронту только сокращением потребления и поддерживать заповедник и его научную работу до мирных дней.» Постоянные скитания по тайге и болотам продолжались ежедневно.

В конце войны руководство заповедника предприняло неудачную попытку пробить прямую зимнюю дорогу от Хангакурта на Кондинск (ныне — Октябрьское), чтобы доставлять грузы не только по воде, но и зимою на пошедях. Это бесплодное в конечном итоге дело обернулось для Раевского трагедией. При скудной пище и больших морозах вновь дал знать о себе туберкулезный процесс. Вадим Вадимович не мог себе позволить нарушать заповедные запреты ради личного пропитания, он строго соблюдал установленный в заповеднике режим. Романист был бы вправе сказать, что человек пожертвовал жизнью во имя святых для него принципов заповедности — такова уж сила духа и воли русского дворянина...

В победном 1945 году В.В.Раевский поехал в Москву, повез незавершенную рукопись о жизни кондо-сосвинского соболя. «Окончен труд, завещанный от Бога...» Не напрасно

прошли эти тяжкие годы! В главном управлении по заповедникам, где ведущим работником был тогда Василий Никитич Макаров, видели, что исследователь тяжело, если не смертельно, болен. Вместо ходьбы по врачам он бегал в различные научные учреждения, завершая главный труд своей жизни перед сдачей рукописи в печать. При этом были мытарства с продуктовыми карточками, недоедание... Девятого мая, в день Победы, Раевскому посчастливилось быть с ликующими толпами на Красной площади, а затем он уехал «на кумыс» в санаторий, после чего вновь вернулся в заповедник. Между тем, по словам Ольги Вадимовны, московские врачи определили срок его оставшейся жизни в полгода...

Миновала еще одна зима. Вадим Вадимович взялся теперь за обработку всех накопленных в заповеднике материалов о позвоночных животных — он уже не мог постоянно работать в тайге, как прежде. Он обрабатывал не только свои дневники, но и сведения других зоологов, которые работали в заповеднике, — М.П. Тарунина, З.И. Георгиевской, Н.В. Скалона, разбирался со всеми записями наблюдателей и местных старожилов, что требовало немалых усилий и терпения.

«Весной 1946 года, — писала О.В. Раевская, — я получила от него телеграмму с просьбой приехать. В управлении (по заповедникам — Ф.Ш.) знали о его состоянии и дали мне командировку в заповедник, поручив вывезти его в Москву. Он ввиду своего состояния не решился на выезд, а я не настаивала, считая, что лучше окружить его заботой на месте, чем потерять его в такой длинной тяжелой дороге (неделями приходилось плыть от Омска до Березова, а потом попутными катерами или мотолодками до Хангакурта). Я провела с ним год. Почти до самых последних дней он продолжал посильно работать».

В 1946 году, узнав о составлении Раевским работы о позвоночных животных Кондо-Сосьвинского заповедника, Василий Николаевич Скалон обратился с претензиями в отношении авторства будущей книги. Основания были серьезные — в архиве заповедника лежали его отчеты о фауне птиц млекопитающих (последний — совместно с В.В. Раевским). Скалон настаивал на официальном соавторстве. Он обратился также в зоологическую секцию МОИП, и ее председатель, проф. В.Г. Гептнер, был вынужден «юридически» признать правоту настойчивых претензий В.Н. Скалона, о чем сообщил Раевскому, не скрывая своего смущения всей этой историей. Раевский, получив такие материалы в 1947 году, перед самой своей кончиной, не только согласился с доводами своего бывшего научного руководителя, но даже был готов перед ним извиниться (как это характерно для «бывшего» и не типично для «советского» человека!)*

Между тем, в декабре 1946 года рукопись Раевского о соболе была сдана в набор. Ее ответственный редактор, проф. А.Н. Формозов оценил эту работу исключительно высоко. В официальном отзыве он писал:

«Несмотря на то, что за последние полвека десятки авторов занимались изучением соболя и опубликовали о нем свои статьи, в нашей литературе нет ни одного произведения, в котором жизнь соболя была бы описана с таким глубоким знанием, точностью и полнотой, как это сделано Раевским. Этими качествами работа обязана исключительно наблюдательности В.В. Раевского и его превосходной подготовке как полевого натуралиста. Указанная монография смело могла бы быть представлена в качестве докторской диссертации. Однако говорить об этом преждевременно, т.к. Раевский не имеет еще степени кандидата биологических наук. Учитывая его большой опыт исследовательской работы, его глубокие знания и наличие у него ряда опубликованных ценных исследований, я считаю, что он давно уже заслуживает присвоения этой степени...»

* Экземпляры рукописи работы В.В. Раевского «Позвоночные животные Кондо-Сосьвинского заповедника» имеют на титульном листе фамилию только одного автора, но в Центральном гос. архиве РСФСР (ф. 358) есть экземпляр, где авторами этой работы значатся В.В. Раевский и В.Н. Скалон. Тем не менее, при подготовке этой работы к печати в конце 70-х годов, мы не сочли возможным оставить фамилию Скалона, поскольку все его сведения оговорены Раевским (фамилия Скалона упоминается десятки раз). Сам же текст спорной рукописи написан в Хангакурте лично В.В. Раевским.

Но для Раевского уже ничего не значили любые научные степени и звания. «Умирал он долго, постепенно терял силы, в полном сознании, что дни его сочтены, понимая, как одновременно с покиданием его силами тают его надежды и планы. А планы у него были большие. Это были планы, посвященные любимому делу охраны природы. Как ни трагична была его судьба, но он прожил жизнь, работая на любимом поприще, полностью поглощенный своим делом. Он всегда говорил, что жалеет людей, занимающихся всю жизнь нелюбимым делом. Если бы я был богатым человеком, говорил он, я бы все деньги вложил в то дело, которым был занят всю жизнь». Весной 1947 года Ольга Вадимовна проводила брата в скорбный путь под сень хангакуртских сосен.

На мраморной плите, поставленной в 1975 г. на могиле Раевского, написано: «Он жил здесь, работал и умер, отдав все свои силы охране природы этого края». Ольга Вадимовна прожила год вместе с братом в Хангакурте в неусыпных трудах: купила корову, чтобы поддержать жизнь больному, а ведь надо было косить сено не только себе, но и для заповедника (план — 6 тонн). Брат и сестра вместе плавали на покосы.

У ботаника Крониды Гарновского есть стихотворение, посвященное Вадиму Раевскому. Им-то и закончим наше повествование о русском дворянине, зоологе Вадиме Раевском.

ТОЛОКНЯНКА

По сухим борам у Асе-янки,
Где болот разорвано кольцо,
На подзоле зреет толокнянка —
Ягода хантейских мертвецов.
В тишине белесого рассвета,
В сизый ягель не вдавив ноги,
Тихо бродят на исходе лета
Прежние хозяева тайги.
Там, где прежде промышляли лося,
Ставили слопцы на глухаря,
Тихо бродят духи между сосен,
И над ними теплится заря.
Их давно оплакали живые,
Им остались на втором веку
Скудные, мучнистые, сухие
Ягоды, приникшие к песку.
Обойди, не попирай ногами
Пятна толокнянки на бору, —
Может быть, сюда придем мы сами,
Через годы — рано поутру...

Пророческие и проникновенные строки! Кронид Всеволодович завещал похоронить свой прах в заповеднике на Малой Сосьве, и желание его было исполнено.

О моем товарище

После службы в пограничных войсках, в 1968 году, в только что образованный Советский район приехал Александр Гуров и поступил столяром в Пионерский леспромхоз. Ремесло это он с детства перенял от отца и полюбил, поэтому вскоре стал видным человеком и в леспромхозе, и в поселке — награждался, избирался депутатом.

Но я хочу сказать о другой страсти Александра Петровича — его любви к природе. Как только в Пионерском образовалось общество охотников, его избрали председателем, и охотники под его руководством сделали много хорошего. В угодьях появились домики для промысловиков-любителей, были созданы группы внештатных инспекторов по борьбе с браконьерством, проложена и вымощена дорога к Щучьему озеру — месту охоты на водоплавающую дичь.

Сам А.П.Гуров — настоящий и неутомимый следопыт. Он исходил вдоль и поперек тайгу, болота, избородил все местные речки и озера, отлично знает закономерности местной природы, повадки диких зверей и птиц. С верховьев до устья прошел Александр Петрович реку Тапсуй — одно из интереснейших мест Севера, которое продолжают равнодушно разграблять леспромхозы района, и так уже опустошившие местную тайгу и не озолотившиеся от этого. А ведь утрата лесов скажется на следующих поколениях.

С Александром Петровичем я не раз бывал во многих чарующих уголках природы, слушал его увлекательные рассказы натуралиста и сожалел о том, что он не пишет обо всем этом — ведь могло бы появиться интереснейшее повествование о жизни тайги, красоте края. Ну, а тем, кто с ним общается, он умеет передать свою любовь к природе; многое уже узнал от отца о лесе, болотах, озерах, реках и их обитателях его сын Андрей, ученик Пионерской школы.

М.Яковлев.

КИРПИЧНО-КЕРАМЗИТОВОЕ СЫРЬЕ

В.Смирнова

К настоящему времени на территории Ханты-Мансийского автономного округа выявлены десятки месторождений глинистого сырья /большая часть — Центральной партией Тюменской комплексной геологоразведочной экспедиции/. Значительные ресурсы глинистого сырья — более полутора сотен проявлений — выявлены геологосъемочной партией концерна «Тюменьгеологии», проводившей геологическую съемку масштаба 1:200000.

Глинистые породы могут являться сырьем для производства кирпича, керамзита, а возможно, и других изделий. Кроме суглинков, глин в качестве глинистого сырья могут быть использованы кремнисто-опаловые породы — диатомиты глинистые и глины диатомовые.

В практике наиболее пригодными для изготовления строительного кирпича являются глины грубо-низкодисперсные. Лабораторно-технологические испытания показывают, что опробованные глинистые породы пригодны для изготовления кирпича марок «75-150», а в отдельных проявлениях — марок «200-300». Проявления глин практически не требуют вскрышных работ. Достаточно известно Ханты-Мансийское месторождение кирпичных глин, которое находится на правом берегу Оби /Кирзавод/. Поисково-разведочные работы проведены еще в 1956 году Центральной поисково-разведочной партией Тюменской комплексной геологоразведочной экспедиции. Полезная толща месторождения достигает мощности до 9 метров, а вскрышные породы — лишь один метр. Месторождение эксплуатируется, но совершенно недостаточно. В последние годы была проведена его доразведка геологами Федоровской геологосъемочной партией, но это не намного сдвинуло с места устоявшиеся методы разработки.

Сырьем для керамзита служат глины керамзитовые легкоплавкие, обладающие способностью вспучиваться, не содержащие камневидных включений. Благоприятно наличие в глинах монтмориллонита и гидрослюды.

Еще в древности жители нашего края /это подтверждается археологическими раскопками/ использовали местное сырье для изготовления посуды: найдены обломки, украшенные незатейливым узором, или, напротив, очень даже изысканным. Археологами и работающими рядом геологами было указано несколько выходов глин на правом берегу Оби, недалеко от пос. Шеркалы. Делались попытки гончарных работ, но они не увенчались успехом — посуда при обжиге трескалась и ломалась. Видимо, тайны древности еще предстоит открывать.

На территории округа выявлено 7 месторождений глин керамзитовых в Березовском, Кондинском, Октябрьском, Сургутском, Советском, Нижневартовском, Нефтеюганском и Ханты-Мансийском районах. Увеличение запасов месторождений возможно за счет разведки более глубоких горизонтов. Большая часть месторождений не эксплуатируется, хотя условия разработки почти во всех районах благоприятны. Всего в округе 52 месторождения кирпичных и керамзитовых глин, 177 проявлений глинистого сырья.

Автором использованы фондовые геологические материалы и опубликованные в широкой печати работы.

В БЛОКАДЕ И ССЫЛКЕ

Ю. Прибыльский, доктор исторических наук

Великая Отечественная война донине таит загадочные парадоксы, требующие необходимого и честного объяснения. Как совместить, например, жертвенные подвиги фронтовиков и злодеяния oprичников, кто воевал в тылу против собственного народа? Оправданием массовых репрессий, развязанных в пору войны, служит испытанный принцип: разделяй и властвуй. Власть придерживающие, одержимые поисками внутренних врагов, относили к их числу народы, заподозренные в сочувствии агрессорам.

Жертвами геноцида пали, в первую очередь, соотечественники немецкой национальности. 28 августа сорок первого года родился тайный Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный М.И. Калининым, о ликвидации автономии немцев Поволжья и выселении ее коренных жителей в глубинные восточные регионы страны. Как сообщалось в указе, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов (?!), которые по сигналу, данному из Германии,

должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. В случае, если произойдут диверсионные акты..., Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы...

Действие Указа распространялось на всех немецких граждан, проживающих в европейской части страны, либо служащих в Армии и Флоте. По рассекреченным сводкам НКВД, к началу сорок второго года 1084828 лиц немецкой национальности были подвергнуты насильственной бессрочной депортации на Урал, Сибирь и Казахстан.

Трагическую участь своего народа сполна разделил и Георгий Флейшман. Уроженец Ленинграда, он изведал в детстве и юности блокаду и ссылку, пережил голод и холод, преодолел множество житейских трудностей, обрел достойное место в обществе. Диалог с Флейшманом воскрешает драматические изломы его судьбы.

— Георгий Георгиевич, последуем мудрому совету Козьмы Пруткова: зри в корень. Обратимся к родословной российских немцев. Как известно, первые выходцы из Германии обосновались в России с петровских времен и сыграли заметную роль в ее общественном и духовном развитии. Достаточно назвать академика Г. Миллера, ученого историка Сибири. Когда же обосновались в России ваши предки?

— В 1765 году императрица Екатерина II, немка по рождению, обнародовала манифест о добровольном расселении крестьян из Германии на свободных российских землях. Наши предки из числа крепостных крестьян поселились в окрестностях Санкт-Петербурга, выкупили у богатого помещика уголье Воронье гнездо, в 1827 году основали сельскохозяйственную колонию Гражданка. Ее жители трудились на земле, снабжали горожан картофелем, овощами и фруктами.

Мои родители простые люди. Отец Флейшман Георгий Георгиевич сызмала занимался земледелием, перед войной работал возчиком артели «Выборгский транспортник». Мать София Федоровна растила троих детей, вела домашнее хозяйство. Семья жила в дружбе и согласии, поддерживала родственные узы со многими жителями окрестных селений.

— Видимо, репрессии тридцатых годов не обошли стороной обитателей Гражданки?

— К несчастью, приход Гитлера к власти в Германии больно ударил по немцам в России, началась охота на «врагов народа», обвиняемых в сотрудничестве с фашистами. В Гражданке закрыли и разрушили лютеранскую кирху, арестовали пасторов. В «ежовые рукавицы» угодили и наши близкие родственники. В тюрьме погиб Владимир Бауэр, его жену и сына выселили под Ржев. Леонтий Вализер, будучи политзаключенным, возводил Комсомольск-на-Амуре. Иван Аман вернулся из лагеря инвалидом, лишенным слуха. Всех, кто пострадал, не перечислить... Но эти жертвы несравнимы с огромной бедой, которую принесла война.

— Война поставила советских немцев в ситуацию между молотом и наковальней. Гитлер надеялся привлечь их к себе в качестве троянского коня — силы, способной взорвать изнутри тыл Красной Армии.

— Расчеты фюрера провалились. Советские немцы проявили себя убежденными патриотами и защитниками Отечества.

Но отношение к нам резко изменилось. Одни сожалели и сочувствовали, другие — осуждали и презирали. Сколь обидно, когда закадычный дружок внезапно оглушил меня, словно обухом по голове: «Уйди прочь, фашист!» Мы ощущали себя без вины виноватыми, не ведая, что будет завтра. В августе сорок первого года состоялось секретное решение городского комитета Оборона и Военного Совета Ленинградского фронта о выдворении немцев за пределы города и области. Исполнение замысла задержалось на полгода: Ленинград угодил в кольцо блокады.

Вскоре надвинулся голод. Суточный паек хлеба, испеченного наполовину из отрубей и опилок, умещался на детской ладони. Были случаи людоедства, похищения малых детей. Мы едва не потеряли младшего брата. Людей, умерших от голода и болезней, не успевали хоронить. На Пискаревском кладбище, куда свозили трупы, они лежали штабелями, ожидая погребения.

— Семейно выручила картошка. Мать строго экономила запасы, чтобы хватило до нового урожая. Растительное масло добывали из олифы. Жили впроголодь, но избежали гибели, которая постигла многих и многих блокадников.

— Чем завершилась для вас блокадная пора? Когда наступил роковой срок?

— Сигнал бедствия подал мой дядя Христьян Флейшман. После ранения на фронте он лечился в госпитале и оттуда угодил за колючую проволоку на уральский рудник. Так и остался доживать век в Краснотурьинске, где был их лагерь. Развязка наступила весной сорок второго года и совпала по времени с прорывом блокады Ленинграда.

16 марта жителям Гражданки предписали: в течение суток быть готовыми к отправке неизвестно куда. Люди бросали в спешке имущество и жилье, прихватив в дорогу самые необходимые пожитки. В назначенный час Финляндский вокзал загрохотали тысячи взрослых и детей. В толпе выделялся изможденный старец с орденом Ленина на пиджаке. Знакомые называли его профессором. Ночью путников растолкали в пригородном поезде и доставили на побережье Ладожского озера, откуда начиналась ледовая «дорога жизни». Автобусы с людьми осторожно двигались, минуя пробоины от бомбежек. Повезло проехать по озеру под чистым небом без единого выстрела. Тех, кто следовал за нами, накрыли воздушные пираты.

— Какой запомнилась дорога на Восток? Где находился конечный пункт вашего путешествия?

— Нас погрузили в «телятники» — вагоны, предназначенные для перевозки скота, и двинули эшелон в сопровождении вооруженной охраны в неизвестном направлении. Люди маялись в тесноте, темноте и духоте наглухо закрытых вагонов. Тюрьма на колесах. На остановках конвой требовал: от состава — ни шагу, иначе стреляем. Отпускали только за кипятком. Кормили единожды в сутки мучной баландой. Истощенных путников одолевали болезни и вши. Соседка по нарам, вытряхивая белье, причитала: «Муж воюет с фашистами, а я с паразитами». На очередном полустанке выносили трупы. В числе первых скончался профессор...

Казалось, прошла вечность прежде, чем достигли Омска. На пароходе «Третий Интернационал» спустились вниз по Иртышу и повернули в Обь. Многих высадили в Самарове и Сургуте, нам досталось Локосово.

— Итак, ваша семья оказалась в числе 80 тыс. немцев — женщин, детей и стариков, заброшенных в тайгу и тундру и вынужденных обживать эти суровые места. Как жилось в неволе?

— Судить об этом нелегко. Неволя, словно петля на шее, душила всех, понуждая прятать личные переживания и вести себя так, как советовал поэт Тютчев: «Молчи, скрывайся и таи...». Нет слов, чтобы выразить потаенные обиды и страхи, которые, словно кошмар, преследовали отверженных и неправых людей. Локосово военных и последующих лет напоминало типичную резервацию, где содержались под неусыпным оком государевым немцы, украинцы, румыны, калмыки, латыши и прочие изгои общества, изолированные от внешнего мира. Жили, как во тьме, довольствуясь случайными вестями

о том, что происходило на белом свете. Власти, опасаясь тайного сговора ссыльных, запрещали им пользоваться в публичных местах родным языком. Крайние затруднения испытывали калмыки, которые не владели русским языком. Я и сам постепенно утратил приобретенные в раннем возрасте навыки родной речи.

Опекали нас всемогущие коменданты. Их тасовали, словно карты в колоде, но всех отличало неумное стремление «качать права», поучать, стращать и не пущать. Коменданты, пользуясь услугами доносчиков, «просвечивали» подопечных, контролировали их мысли и настроения, искореняли малейшую крамолу. Как-то мать заявила домой в слезах и сообщила: «комендант допрашивал, с наганом в руках, требуя дать показания о том, что сосед ведет антисоветскую агитацию. Когда отказалась, пригрозил упрятать за решетку.» Тюрьма угрожала и тем, кто самовольно отлучался из деревни. Родственников в Сургуте я повидал на пятом году ссылки, когда плывал матросом плашкоута.

— Полагаю, что местные жители без восторга встречали новоселов?

— Хлеб, соль, конечно, не подносили. Деревня воспринимала наше вторжение, как стихийное бедствие, вроде паводка на Оби. Верующие почитали нехристей, якобы наделенных хвостами и рожками. Сельчан вынудили делить хлеб и кров с теми, кого считали пособниками врага. Понадобилось время, чтобы сомнения и обиды рассеялись, уступив место взаимному доверию. Все мы жили общими заботами: как и чем помочь фронту, прокормить себя? Труд сплавивал людей, занятых на рыбном промысле, заготовках леса и в сельском хозяйстве.

— Немцам свойственны исключительные прилежание, трудолюбие и мастерство. Удалось ли сохранить добрые традиции в ссылке?

— Тех, кого знал, уважали за добросовестное отношение к своим обязанностям, порядок и дисциплину. Наши родичи, по свидетельству Виктора Бауэра, оставили добрую память среди жителей Сургута и района. Приезд переселенцев из Ленинграда, вспоминал Виктор, оказался очень кстати, т.к. многие мужчины были на фронте и повсюду ощущался недостаток квалифицированных работников. Очень скоро приезжие заслужили большой авторитет благодаря честному отношению к порученному делу. Карл Юльевич Бич и Юлий Юльевич Юнг, будучи в колхозе, прекрасно справлялись с любой работой. Летом были незаменимыми на покосе, на заготовке кормов для скота. Зимой ходили в обоз, развозили на лошадях грузы по району и за его пределами.

В большом почете были слесари Федор Юльевич Бич и Александр Александрович Юнг. Их золотые руки могли сделать все, что необходимо для производства. Но особо знаменитыми были кузнецы Александр Христофорович Юнг в Сургуте и Христофор Христофорович Юнг на Черном Мысу. В том, что они могли выковать любую деталь, не было и сомнения. Они служили настоящим кладом для населения, выполняли множество заказов: ковали лошадей, лудили посуду, ремонтировали инвентарь, чинили замки.

— Примером в труде были, очевидно, и ваши родители?

— Семья насчитывала девять едоков, а кормильцев — раз — два и обчелся. Отец и мать, добывая пропитание, не гнушались самой тяжелой и черной работы. Я начал трудиться с двенадцати лет. В школьные каникулы по заказам деревенских семей пилил и колол дрова. Платили картошкой. Позднее работал в рыболовецкой бригаде — коногоном на выборке свежего невода. Добывали на Оби осетра, стерлядь, нельму, иную ценную рыбу, не смея пользоваться ее на личные нужды. Смена длилась полсуток. К усталости добавлялись мучения, причиняемые гнусом, от ядовитой мошки спасал только деготь. Зимой работал на заготовке льда.

Объ жестоко карала тех, кто не считался с ее коварством. Всех потрясла гибель шести немецких матерей. Их неводник, груженный сопью, волны захлестнули на стремнине реки. Спасся один рулевой. Виновники спрятали концы в воду.

— По всему видно, что люди честно трудились, чтобы приблизить победу над врагом. Следовало ожидать, что с окончанием войны исчезнут причины их вынужденной ссылки.

— Этого не случилось. И после войны нас по-прежнему держали на привязи, лишали свободы передвижения, отказывали в политических правах. Послевоенный год выдался голодным. Мать, отдавая пищу детям, нажила дистрофию, опухла от голода, едва избежала смерти.

— Каким же образом вам посчастливилось выбраться на волю и получить образование?

— В Сургуте я окончил восьмилетку и решил поступить в Тобольский рыбопромышленный техникум. Документы, адресованные в техникум, связисты либо затеряли, либо изъяли. Рискнул действовать на авось. Дальнейшее свершилось, как в доброй сказке. Директор техникума В.С. Белоконь, вняв моим прсьбам, допустил меня к вступительным экзаменам. Сдал их успешно и был зачислен на первый курс.

Уму-разуму наставляли душевные, мудрые и взыскательные преподаватели В.А. Арнгольд, Л.Т. Борщева, Ф.К. Дормидонтова, В.К. Погорелова, Ю.О. Ридель, И.Э. Эдель. Их личный пример побудил меня сделать жизненный выбор. После окончания техникума стал преподавателем. С тех пор минуло сорок лет.

— И как долго продолжался особый режим ссылки?

— На специальном учете пребывал пятнадцать лет, проходил ежемесячную регистрацию в милиции вплоть до пятидесяти шестого года. Стоило однажды запоздать на явку, рассерженный комендант учинил жестокий нагоняй и пообещал сгноить на каторге. Едва поборол желание разом покончить с этим позором.

Нам запрещалось покидать город. Границей служил Иртыш. На его рубеже провожал и встречал свою невесту — она училась в Тюмени. Наша дружба вызывала нелестные пересуды. Блюстители морали увещевали: активной комсомолке негоже доверять чужаку, пытались нас разлучить. Мы поступили так, как велела совесть: соединили судьбы. Пятый десяток лет живем душа в душу, поддерживаем тепло и свет домашнего очага.

— Переезд в Тобольск, вероятно, ослабил и прервал прежние связи с людьми Севера?

— Напротив, эти связи окрепли и упрочились. Веду переписку с родственниками, старожилками Сургута. Много лет преподавал в техникуме и возглавлял училище, готовил специалистов и квалифицированных рабочих для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Открывал училище нефтяников в Нижневартовске. Побывал на буровых и промыслах, где стажировались наши выпускники.

Обучал молодежь и учился сам. Трижды поступал в Уральский политехнический институт. Отказывали по надуманным причинам. С четвертого захода добился цели, подготовил и защитил диплом инженера.

— Чему научил вас многолетний педагогический опыт?

— Убедился: быть педагогом крайне сложно, но интересно. В нашем деле посев и жатву разделяют годы и годы. Тем приятнее сознавать, что многие питомцы, кому отдавал силу и знания, со временем выросли превосходными, трудолюбивыми людьми.

— Откроем иной живительный родник вашего творчества: любовь к искусству. Земляки ценят вас, как истинного ревнителя музыкальной культуры. Откуда черпали вдохновение, чтобы творить красоту и приобщать к ней молодежь?

— Я с детства тянулся к музыке, учился играть на пианино и баяне. В Тобольске окончил музыкальную школу по классу духовных инструментов преподавателя А.С. Кицмана, овладел навыками дирижирования. Умения пригодились нежданым образом. Произошла очередная массовая потасовка курсантов школы юнг и учащихся техникума. Пролилась кровь. Стали решать, как помирить враждующие стороны. Мне поручили создать и возглавить объединенный ансамбль. В нем собрались талантливые исполнители русских, украинских, татарских, хантыйских, калмыцких, якутских песен и танцев. Коллектив успешно выступал на городских смотрах художественной самодеятельности. Довелось быть хормейстером руководимой Н.П. Заплатынским тобольской певческой капеллы. Яркие впечатления оставили проведенные с нашим участием многолюдные и красочные праздники песен. Мы занимались искусством, чтобы дарить его людям, не помышляя о выгоде и славе. Правда, меня хотели поощрить творческой поездкой на Всемирный фестиваль молодежи в Москве. К сожалению, чиновники от комсомола отклонили кандидатуру, опасаясь, как бы чего не вышло. Произвол тех, кто судил нас по казенным меркам, воспринимал как неизбежное зло...

— Похоже, что злые духи доныне будоражат ваших родичей. Предки обживали Россию, потомки бегут из нее.

— Исход немцев на историческую родину вполне объясним. Их реабилитация оказалась половинчатой и незавершенной. Изгнанникам некуда возвращаться: их земли и жилища облюбованы иными людьми. Вот и мои родители с младшими детьми, возвратясь из Локосово в Ленинград, получили от ворот поворот и были вынуждены сыскать пристанище на отшибе — в городе Луге.

Многие предпочли эмигрировать в Германию: утечка мозгов и рабочих рук из России чревата невосполнимыми потерями. Те, кто остались, озабочены сохранением национальной культуры и языка. Действует общество возрождения российских немцев. Я возглавляю тобольское землячество немцев, объединяющее более пятисот человек. Открыли немецкий дом, создали культурный центр и школу родного языка. Обсуждаем и решаем проблемы, волнующие земляков, помогаем одиноким и престарелым людям.

— Значит твердо определили, где и как коротать век?

— Да, мне суждено вековать в Сибири. Иного не дано. Здесь родина моих детей и внуков, верные друзья, интересная работа, полезные общественные дела — все, чем привлекательна жизнь.

Деяния Георгия Флейшмана высвечивают его ценностные ориентиры: в жизни главное — оставаться человеком в любых обстоятельствах. Таким, как он, людям активного действия, адресована заповедь великого немецкого поэта:

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.*

На снимке Г.Г. Флейшман.

БОГАТЫРИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЮГРЫ: ЭПОС И АРХЕОЛОГИЯ

И.Ф. Федорова, Уральский университет.

В жизни каждого народа было так называемое «героическое время», о котором складывались легенды и былины, прославляющие воинов-богатырей, боевые дружины и их подвиги. Цикл таких легенд, былин, саг получил название «героического эпоса». Это особый жанр со своими законами построения сюжета, своим особым временем и пространством, отношением к личности и морали. В основном описываются события трех видов. Во-первых, это военные действия против врага, которые могли вестись с переменным успехом, но в конце концов побеждал всегда герой былины, независимо от того, он напал или на него напали. Понятие «справедливые войны» в эпосе отсутствует. Во-вторых, так называемые богатырские охоты — не охота ради пропитания, а схватка с сильным зверем или добыча за один раз огромного количества животных. Целью, как правило, являлась демонстрация молодечества героя. В-третьих, сражение с каким-либо чудовищем (драконом, духом, сказочным мертвецом), в ходе которого освобождается девица или жители какого-либо города (страны). Естественно, поединок заканчивается победой героя. Эпические богатыри ведут себя не так, как простые смертные, — они благородны, честны, красивы, сильны, отважны и хорошо воспитаны. У них особая одежда и вооружение, животные — помощники, даже едят и спят они не как обычные люди.

Свой эпос есть у всех народов: героические саги скандинавов, русские былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и других богатырях, финский эпос «Калевала», тюркский «Кер-Оглы» и многие другие. Все они долгое время бытовали в форме устных сказаний, передаваемых из поколения в поколение, а записаны были много позже. Можно ли назвать их устной историей народа? И да, и нет. Конечно, в эпосе отразились реальные события: например, походы викингов или сражения русских дружин с кочевниками из степи. Но эти события даны в переосмысленном по законам жанра виде, в них смещены временные и пространственные границы, действуют мифологические персонажи, конкретные реалии представляют собой «слоеный пирог», т.к. легенды пересказывались веками и каждый рассказчик вносил в них чуть-чуть своего. В общем, можно сказать, что они отражали определенный период в жизни общества: период разложения первобытных отношений, формирования воинских сословий, выделения военной верхушки, военизации быта и идеологических преследований, период «войны всех со всеми». В свое время это называлось временем военной демократии. Сейчас мы более склонны говорить о появлении первых предгосударственных объединений.

Героический эпос обских угров не менее богат, красочен и интересен, чем другие, но изучен и известен широкой общественности гораздо хуже. В обско-угорских былинах действуют те же воины-богатыри, описаны их подвиги и внешний вид: «... он поднял свою голову с пробором, с которой падали роскошные волосы, одел кольчугу и то, что было необходимо», «...висевшую на гвозде божественную, удлиняющую жизнь кольчугу с прочным краем я через маковку головы опрокинул на свою высокую грудь, как будто это было три ковша холодной воды. Потом я одел одну на другую славные одежды из пушистого бархата и из тонкого шелка. Я принарядился красивее всех в городе, в стране».

И дальше, после такой завязки, герой отправляется в путь: на войну или за невестой, что чаще всего означает одно и то же. — «На какой отдаленный конец земли вы сосредоточили ваш ум, речи вашей начало, слова вашего начало, вы нам изложите. В какой отдаленный конец мира вы желаете направить ваших сватов со стриженными головами, воинов со стриженными головами?» — спрашивают старики селения. «Младший муж (богатырь) сказал: «Мы снаряжаемся в город Кровавого богатыря, ради Кровавого богатыря младшей дочери-девицы».

Наиболее близкие соответствия «героическому времени» обских угров обнаруживаются в культуре их предков I-середины II тыс. н.э., восстановленной на основании археологических раскопок. С первых веков нашей эры начинается строительство мощных укреплений — городищ: двойные линии валов и рвов усиливаются башнями для флангового обстрела неприятеля, глубина рвов достигает 2 — 2,6 м. К середине I тыс. в изобразительном искусстве местных культур появляются сюжеты, связанные с воинскими реалиями: фигуры и личины людей в шлемах, доспехах и с оружием. Именно этим временем датируются найденные археологами так называемые воинские клады, т.е. клады с большим количеством оружия и частей доспехов. Суммируя все эти данные, можно предположить, что «героическое время» обских народов соответствует приблизительно названному выше периоду: от начала I тыс. н.э. до середины II тыс. н.э.

Оружие и доспехи в материалах археологических раскопок обычно представлены фрагментами: обломками шлемов, отдельными кусочками панцирей или пластин, мечами или саблями без рукоятей, наконечниками стрел без древков. Для того, чтобы представить себе, как выглядел обско-угорский богатырь в полном снаряжении, обратимся к графической реконструкции, т.е. рисунку, на котором как бы смонтированы те части доспеха и вооружения, которые были найдены в процессе раскопок. Графическая реконструкция допускает помещение на одном рисунке фрагментов воинского облачения, нужно только, чтобы: 1) соблюдалась одновременность этих фрагментов, т.е. чтобы к вооружению воина, скажем, начала I тыс. н.э. не попала сабля, появившаяся в конце его; 2) соблюдался «род войск», т.е. вооружение тяжелого конника не монтировалось на пешего лучника и наоборот. При следовании этим условиям графическая реконструкция дает верное представление о внешнем виде воина того или иного периода. Реконструкцию обско-угорских доспехов и вооружения выполнил специалист по оружию и военному делу, сотрудник Института истории и археологии УрО РАН А.П. Зыков.

Воин начала I тыс. н.э. (см. рис. 1) носил на голове железный конический шлем с наносьем. Два таких шлема в конце прошлого века были найдены около юрт Истяцких, в настоящее время хранятся в Тобольском краеведческом музее. В нижней части шлема — ряд дырочек, к которым крепились бармица, закрывающая шею. В данном случае она набрана из отдельных пластин. Из пластин, соединенных кожаными ремешками, состоит и панцирь воина. Такие панцири были очень удобны — соединенные ремешками части его обеспечивали гибкость, не стесняли движений и делали воина почти неуязвимым в бою — чтобы поразить цель, стрела противника должна была попасть обязательно в промежуток между пластинами. Пластины делались из железа или кости, костяные иногда орнаментировались — доспех должен быть не только утилитарен, но и красив. На груди воина — защитный нагрудник из кости с изображением богатыря в короне с зубцами, держащего в поднятых руках по клинку. Он был обнаружен в 1935 г. при раскопках городища Усть-Полуй около г. Салехарда. Сюжет «фигура воина с двумя клинками в поднятых руках» становится очень популярным в конце I тыс. н.э. Именно такие — в коронах — богатыри изображались танцующими с двумя саблями или кинжалами местными мастерами на привозной серебряной посуде. Но самое раннее подобное изображение — на Усть-Полуйском нагруднике. Танец с двумя клинками, по-видимому, исполнялся перед началом

военных действий, когда совершались обряды жертвоприношений, чаще всего кровавые (говорит сын Торума): «Дети мои, принесите мне жертву из ваших белых и пестрых коней, принесите мне жертву из вашего белого и пестрого скота». И в другом месте: «Его брат ему сказал: «Твоих многочисленных мужей из всего города, твоих многочисленных мужей из всей деревни созвали вместе, приведи семь оленей, привязанных к ремню... чтобы жертвенной рукой, чтобы рукой, готовой к пиру, принести там жертву для похода к мужским водам чужестранцев, чтобы созвать туда сотни добрых духов...и от них спросить спинную силу и от них спросить брюшную силу». Следы плясок с оружием наблюдали в конце прошлого века у обских угров М.А. Кастрен и В. Шавров, причем ведущий танец шаман держал в обеих руках по сабле! Боевой нагрудник с изображением священного танца, по-видимому, носил не простой дружинник, а богатырь-князь, предводитель.

На талии воина пояс, застегнутый пряжкой с изображением медведя в так называемой жертвенной позе, т.е. с головой, лежащей на передних лапах. Обские угры прекрасно владели техникой художественного литья из бронзы и очень любили оформлять этими изделиями свой быт. Поскольку вещи должны были быть не просто красивыми, но и нести определенную смысловую нагрузку, их украшали в соответствии с представлениями об окружающем мире и месте в нем человека, о его качествах, появившихся опять-таки под влиянием окружающего мира, мира богов и духов. А так как человек был неотъемлемой частью природы, и главным его окружением являлись леса и реки, населяющие их звери, рыбы и птицы обеспечивали само существование людей, то и все представления о мире выражались так называемым зооморфным (звериным) кодом, т.е. через изображения все тех же зверей, рыб и птиц.

Одним из главных персонажей звериного пантеона обских угров являлся медведь. Это сложное существо, происшедшее, согласно поверью, непосредственно от небесного верховного божества. Очень тесна связь между медведем и богатырем: по преданию, в медведя превратился богатырь, перелезший в лесу через колоду. Медведь изображался в трех ипостасях: медведь — зверь, идущий в профиль от зрителя или стоящий на плоском или фигурном основании; сложное медведеобразное мифологическое существо, иногда с крыльями, держащее в передних лапах человеческую фигуру; наконец, «убитый» медведь, медведь в жертвенной позе. Последняя ипостась встречается в основном на украшениях и принадлежностях костюма мужчины-воина: панцирные бляшки, позже браслеты и, самое главное, — поясные застёжки.

Пояс, кожаный ремень, иногда снабженный набором бляшек из бронзы или серебра, почти обязательно с бронзовой пряжкой — очень важная деталь туалета эпохи средневековья. С ним связано множество разных поверий, он несет важную культовую нагрузку. Главная функция пояса — оберегать хозяина от нечистой силы. Не случайно во время гаданий снимали пояса, как бы призывая потустороннюю помощь. «Ходить распояской», значит, по-домашнему, не опасаясь каких-либо неприятностей. Пояс был и показателем ранга своего носителя, отмечал принадлежность его к определенному сословию. На поясе носили самые разнообразные предметы, необходимые хозяину в повседневной жизни и в бою: кресало для высекания огня, нож, гребень, подвески-обереги, меч. Металлические детали пояса при движении звенели, что тоже было частью его положительных функций: звон чистого металла отпугивал нечисть. В одной из легенд обских угров об этом очень хорошо сказано: «Мы отдаем тебе красавицу, что носит живые косы, живые, как птицы, что ходит в звоне серебра и золота». Сзади к поясу воина подвешен колчан со стрелами. Лук и стрелы для обских угров — наиболее привычный вид оружия, неоднократно упоминаемый в легендах и сказаниях. Они склеивались из двух деревянных пластин, березовых и сосновых. Сосновые вырезали из твердой и плотной древесины той части ствола, которая обращена к солнцу и называется кремлевой. «Я пойду добывать кремлевое дерево для кремлевого лука», — заявляет богатырь своим родственникам.

Воин стреляет по-богатырски: «Натянул он свой лук, свою стрелу, потянув одно плечо, отпустил руку. Семерых каменноглазых богатырей насадил на одну стрелу». Так силен был богатырский выстрел, что «ветром, произведенным тетивой лука, был сметен в одно место обильный сор селения, был сметен в кучу многочисленный мусор города».

К сожалению, в раскопках нам ни разу не посчастливилось обнаружить части лука, зато наконечники стрел поражают своим разнообразием: тут и узкие с прилегающими шипами или утяжеленной головкой — бронебойные, задачей которых было пробивать доспехи врагов; трехлопастные, по форме напоминающие ракету, что, очевидно, было связано с их повышенными аэродинамическими свойствами; широкие — листовидные — скорее всего, охотничьи, и вильчатые наконечники — срезни для охоты на водоплавающую дичь. Найденные в погребениях остатки колчанов позволяют предположить, что носили стрелы по 15 — 20 штук. Наконечники насаживались на длинные древки (65 — 70 см.), оперенье делалось из перьев орла: «Пускал он стрелы, оперенные орлиными перьями выше темных туч».

В левой руке воин держит копье. Наконечники копий встречаются в погребениях, воинских кладах и случайных находках до конца I тыс. н. э. В правой — клевец — рубящее оружие, которое впоследствии было заменено топором. Клевцы изготавливались из бронзы, часто украшались головой хищной птицы или фантастического животного с разинутой пастью. Такой клевец в умелых руках был не менее страшным оружием, чем меч. Появившиеся позже топоры носили также закинутыми за пояс: «он засунул за пояс большой то-

пор величиной с лопатку оленьего быка». Кстати, екатеринбургский оружейвед М. Черняховский специально исследовал боевые качества топора и пришел к выводу, что в рукопашном бою это более удобное и «убойное» оружие, чем меч или сабля. Он проанализировал находки оружия в погребениях русских дружинников начала II тыс. н.э. и выяснил, что топоры у них были в большем ходу, чем клинковое оружие. По-видимому, эти свойства клевцов, позже топоров, обским уграм были хорошо известны, начиная с первых веков н.э.

Вооружение воинов-богатырей было различным в зависимости от их статуса. Известный этнограф, исследователь селькупов Г.И. Пелих в своей книге «Селькупы XVIII в.» пишет, что, по сведениям информаторов и по другим данным, в древности войско «состояло из двух неравных частей. Привилегированную верхушку... составляли тяжеловооруженные воины, командиры... Вторая часть войска состояла из стрелков», т.е. лучников, не имевших металлических доспехов. Военные действия велись довольно странным образом: впереди войска стоял воин в тяжелом металлическом доспехе с двумя саблями в руках; быстро вертя ими, он отбивал стрелы врага. Легкие лучники стреляли из-за него, как из-за прикрытия. Такому умению отбивать стрелы учились с детства, оно было не всем доступно и очень высоко ценилось.

На рис. 2 представлены два типа вооружения, относящиеся к концу I тыс. н.э. Верхом на коне сидит воин в шлеме и кольчужной рубахе. Поверх шлема с надвинутой на лицо боевой маской надета корона — показатель высокого, возможно, княжеского ранга ее носителя. Кольчужная бармица спадает на плечи, из-под нее видны косы. Косы, длинные волосы — обязательная принадлежность богатыря, признак его благородства: «подобно болотной морошке косатый богатырь, подобно болотной морошке сильный богатырь» — так зовут одного из героев сказаний. В волосах концентрировалась сила, потерявший волосы теряет больше, чем жизнь, поэтому богатырь бережет свою «отливающую кожу головы» и, наоборот, скальпирует врага. Косы украшались бронзовыми наконечниками в виде колец, металлических обоев, фигурок птиц («косы живые, как птицы»). На бронзовых изображениях воинов эпохи средневековья всегда подчеркивалась эта деталь.

Кольчужные рубахи, набранные из мелких железных колец, иногда находят в погребениях воинов — в берестяном сосуде или наброшенными на седло — в ногах погребенного. Находка целой кольчуги — большая редкость, ее чаще заменяли небольшим обрывком, ведь доспех — это ценность, и может переходить от отца к сыну или храниться в родовой сокровищнице.

Кинжал, лук со стрелами веками входят в комплект вооружения, а вот и новая деталь — сабля, она появилась в Западной Сибири не ранее VIII в. н.э., по-видимому, от южных соседей — кочевников тюркского мира. Клинки для сабель ввозились издалека: «Привозят люди мечи из стран ислама... в виде клинков, не приделывая рукоятки и без украшений... И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так, что если подвесить меч за нитку и ударить ногтем или чем-нибудь... то долго будет слышен звон. И мечи эти как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру», — так пишет известный путешественник XII века Абу Хамид ал-Гарнати, гренадец родом, объехавший весь мусульманский мир и слышавший в городе Болгаре на Волге про далекий северный народ йуру, который любит вот такие клинки. Боевые налокотники и наколенники дополняют воинский доспех, они служат защитой от такого же, вооруженного саблями всадника.

Стоящий рядом со своим предводителем рядовой дружинник снаряжен заметно скромнее: лук, стрелы в колчане и короткий кинжал — для нападения; небольшой костяной нагрудник — для защиты. В легендах ему отводится роль бессловесной «массовки», придающей своим количеством значимость предводителю (чем больше воинов, тем сильнее, знатнее князь-богатырь) или фигурирующей в качестве «неисчислимых порубленных врагов».

Можно много рассказывать о былинных героях, их повседневных занятиях и походах, умениях и навыках, вкусах и привычках. Но мы хотели лишь дать краткую зарисовку внешнего вида обско-угорских богатырей I тыс.н.э. по материалам легенд и данным археологии. Со временем менялся комплекс вооружения, фасоны панцирей и шлемов, не менялся за долгие годы создания и бытования героического эпоса лишь идеал воина-богатыря, главное занятие которого — сражаться и побеждать.

Учинья

Г.Серебренникова

Моя родина деревня Учинья была совсем небольшой, в ней жило всего несколько мансийских семей. Первоначально ее, как и протекающую под горой речку, манси называли Усинья, название изменилось с приходом русских.

Деревенька стояла на высоком берегу. К 1918 году в ней насчитывалось всего 18 небольших домов. Населяли ее манси. Преобладающей фамилией была Кауртаевы, были еще Молкины, Мотышевы и два брата Нертымовых, Николай и Иван, оба охотники. В хозяйствах имели по коровушке и лошадке, несколько овец. В огородах садили картофель, морковь, репу, редьку и много табаку. Табак рубили в корытцах, курили в основном трубки.

Под горой на берегу реки Учиньи лежали лодочки-долбленки, большие неводники. Делали их из сухого дерева, поэтому они были легки на ходу. Весла, гребни — все было сделано красиво. Летом выезжали на рыбный промысел на реку, за каждым хозяином был закреплен песок. Рыбачили неводом, добывали ельца, из него на песках готовили на зиму урак. В свободное время собирали ягоды: землянику, черную смородину, черемуху, чернику, калину. Сушили на зиму, а зимой стряпали пирожки и шаньги.

После летней путины начиналась заготовка сена, которая обычно заканчивалась до Ильина дня. Метали большие стога (замёты). Потом начинались работы в огородах.

Кругом была глухая тайга, в основном росли ель, пихта, кедр, береза и осина. Были и красивые сосновые боры с крупными раскидистыми деревьями.

Постепенно из-за Урала приходили в деревню и селились люди разных национальностей. Быстро осваивали язык манси и говорили на нем. Появилась трехклассная школа. Посреди деревни поставили маленькую часовенку, в ограде ее позднее был поставлен памятник из мрамора. Пришли люди с новыми специальностями, которых манси до этого не знали. Пахари пахали землю, сеяли хлеб: пшеницу, рожь, овес, ячмень. Стали сеять и манси. Зырянин Таскаев был мастер по пошиву шуб, пальто, телогреек. Плотник Максим Иванович делал бочки, кадушки. Были кожевенники, но как-то не прижились в нашей деревне. Получили кожи от населения, сгноили их и смылись.

Но местные жители своих занятий не бросали — рыбачили и охотились. Осенью, когда возвращались с удачной охоты на медведя, начиналась окопо деревни стрельба, деревня встречала охотников с факелами и криками: «Вый-выя! Вый-выя!» Все шли к дому охотника, и там начинался праздник. Почитали голову медведя, танцевали перед ней.

Охотники приходили из леса с большой добычей. Убивали лосей, ловили капканами лисиц, били белку, слопцами добывали глухарей, копалух, косачей, рябчиков. Осенью, во время охоты в тайге, собирали шишки, зимой вывозили их на лошадях. С наступлением сильных морозов ехали на Старую Половинку душить реку Конду. Съезжалось несколько деревень, перекрывали реку, оставляя небольшой промежуток для течения воды. Там ставили ловушки. Рыба валом шла в узкое место, где ее черпали саками. Были горы рыбы,

ее делили на паи и развозили по домам. После этого собирали свои запасы, у кого что было (в основном, ягоды, рыбу), и везли в торговые места, на ярмарки — в Тагил, Ирбит, Свердловск, Тавду, Нижнюю и Верхнюю Салду и другие места. На вырученные деньги покупали муку, сахар, посуду, обувь и другие товары.

Дети зимой учились, у кого была возможность, больше мальчишки. Девочек часто не отдавали в школу, потому что надо было за младшими глядеть, по хозяйству управляться. В нашей семье было шестеро детей и старшие все выросли неграмотные, младшие окончили по три класса, и одна только я получила среднее образование.

В тридцатые годы начали образовываться колхозы. Некоторые вступили в коммуну, уехали в Шаим. Потом коммуна распалась, все вернулись обратно в Учинью. К тому времени уже манси мало в деревне осталось: старые умерли, молодежь стала разъезжаться на учебу. На языке манси не с кем стало говорить, и он начал забываться.

В 1931 — 32 г.г. стали привозить в деревню переселенцев, расселяли по домам по несколько семей. Принимали их, как своих, делились всем, чем могли.

В деревне появилась школа-семилетка с интернатом. Дети кончали семь классов и хотели продолжать учебу, но было трудно их отправлять. По Конде ходили до Шаима пароходы, но нужно было еще добраться до Конды. Деревенские стали перебираться ближе к Конде. На устье речки Учинья был построен рыбозавод, сюда и стали переселяться. Так постепенно рос поселок Половинка, а старая таежная деревня Учинья отмирала. Последней из нее выехала семья Нертымовых. Была богатая деревенька, а стала голая земля — ни копа, ни двора. Вздумали урайцы там садить картофель — все постройки, какие остались, столкнули к речке, землю, на которой стояла деревня, вспахали. Речка, когда-то богатая рыбой, стала теперь ручейком, заросла осокой. Раньше ее чистили, а теперь некому.

Недалеко от места, где была деревня, стоит высокая гора. С далеких времен молодежь и все жители Учиньи проводили на ней праздники. На самой горе ничего не растет, травка сантиметров в 20 и все. Стоит, как булка. А вокруг — могучие лиственницы, черемуха, марьин корень, шиповник. Одной стороной гора подходит к речке, и во время весенних паводков из нее вымывает осколки глиняной посуды с узорами, иногда находят бусинки. Низкий поклон этой Высокой горе, она, как и родная деревня, осталась в памяти на всю жизнь.

ПУТЬ ОТЦА

Детство мое прошло в таежной деревне Учинье Кондинского района в семье манси. Отец, Кауртаев Филипп Иванович, был коренной житель этой деревни. Мать, русская, быстро освоила язык и в семье разговаривала с отцом и бабушкой на мансийском. Росло нас пять дочерей и один сын. Отцу было очень трудно поднимать нас на ноги.

Училась я в своей деревне у Ивана Степановича Цехнова. Четвертый класс закончила в селе Сатыга, учитель был Гречанин Анатолий Николаевич. Об этих учителях я всегда вспоминаю как о хороших душевных воспитателях, много труда они вкладывали в обучение. В 1932 году, после окончания четвертого класса я приехала в свою деревню.

Жить пришлось не в своем доме, а в бане. Отца к тому времени раскулачили. Отобрали все. Нас не выслали. Народ заступился. Мы поселились в бане. Взяли у родни телочку. Вырастили. Снова у нас появилась корова...

Облагали отца твердым заданием, по которому нужно было рассчитывать с государством. Отец больной ездил по глубинным озерам и речушкам в поисках рыбы. Вспоминается, как в 1933 году отец с односельчанами, тоже раскулаченными (вот их имена: Кауртаев Иван Васильевич, Таскаев Макар Евстифеевич, Кузнецов Петр Михайлович), поехали на озера. Ехали три дня по узенькой, очень извилистой речке Усть-Тетерке. С отцом были мать, Людмила Александровна, и я, было мне тогда 12 лет.

Речка часто терялась в заболоченных озерах. Приходилось, держась за борта подки, тащить ее километра 2 — 3, потом снова плыть по речке. Так мы на четвертый день добрались до Усть-Тетеря. Там жили манси Чекатов Яков Сидорович с женой Дарьей Павловной. Они держали двух коров и лошадку. Детей у них было четверо. Все они разговаривали на мансийском языке, по-русски не понимали. Посоветовавшись с Яковом Сидоровичем, мужчины пошли искать озера. На следующий день пришел отец за нами. Пошли пешком километров за 20 от юрт Чекатовых на озера. На ночь поставили сетки. Бор был чист, сосны такие могучие, мох белый. А ягод было весной! А вкусные какие! Вот рыбой и ягодами мы и питались. Наутро вытащили сети. Рыбу поймали крупную. Щука и язь. Мы с матерью угощали всех котлетами. Отец позвал Ивана Васильевича, Макара, Петра, посоветовались. Отец сказал:

— Здесь, ребята, рыба крупная, но ее мало. Нам план не выполнить. Пойдемте дальше...

Они ушли, мы с матерью остались на бору в балаганах — собирали ягоды. Отец пришел назавтра за нами. Пошли пешком. До озера было километров десять, все болота и перелески. Вечером были на месте. Мужчины навалили лесу, стали строить барак, чтобы была прочная крыша над головой.

В мае ловили рыбу только для еды. В этом озере был мелкий чебак, но было его много. Когда чебак выметал икру, мы приступили к его ловле. На берегу лежали неводники, лодки, скопленные рыбаками. Невод приготовили большой. Отец был знатный рыбак, все делалось по его совету. Несколько раз забрасывали невод — рыбы не попадалось. В один день было тихо. Отец сказал: давайте, ребята, проневодим вот в этом улове, у барака. Дали тень, добыли сразу, наверное, несколько тонн. Невод далеко не дошел до берега и уперся. Рыбы было битком. Пошла работа день и ночь. Мы с матерью очищали ее от внутренностей, отец нанизывал на палки, вешал на жерди, под ними раскладывал костер. Рыба коптилась, жарилась и сушилась одновременно. Потом ее, готовую, нанизывали на шнур. Шнуры с рыбой наматывали на вертушку, затем клали рыбу под пресс. Эти своеобразные вертушки были килограммов на 25. Их складывали в амбары высоко от пола, оставляли до зимы.

Мы спали на ходу: ложиться не было времени. Помнится, стояла жаркая погода. Отходы от рыбы закапывали в глубокие ямы, чтобы не было мух. У нас матерью с пальцев сошла кожа. Пальцы лечили жиром с вареных кишок, прикладывали подорожник.

Поспевала морошка. Мы собирали ее на болотах и ели. Мешок сухарей, привезенных с собой, уже подходил к концу.

Приехали брат с сестрой нам на подмогу. За три месяца упорной работы задание, которым наши мужчины были обложены как раскулаченные, выполнили. В августе мы все выехали с этих озер. Озера потом прозвали Кулацкими, потому что тут жили мы, так называемые кулаки.

Зимой вывезли всю рыбу. Сдали. Получили деньги, муку, сахар и другие продукты. Ожили, приободрились. Нам отдали под жилье старый домишко. Были у нас к тому времени корова и лошадка. А отец все ездил по верховьям речек в поисках рыбы. Зимой добыли еще пять тонн. Я ее вывозила. Это были горы рыбы. С такой добычей мы ни в чем не знали нужды.

Брата с сестрой власти принудили работать на лесозаготовках. Две сестры старшие, Аграфена и Любовь, потом Анастасия, вышли замуж, у них были дети. Мне не приходилось учиться, так как дочь раскулаченных не принимали в школу. Мать в то время уже тяжело болела.

В 1934 году отца нашего, Филиппа Ивановича, арестовали и увезли в Остяко-Вогульск. В городе тогда было несколько улиц. Отец тоже по несчастью стал строителем окружного центра, принимал участие в постройке деревянного здания прежнего госбанка и нескольких домов по улице Карла Маркса. Подержали в заключении людей из Учиньи ни за что, ни про что, за неимением улик отпустили.

В 1935 году и я приехала в город со случайными попутчиками. Поступила в туземную семилетку. Потом отец привез нашу маму сюда же, в Самарово. Она была смертельно больна. Положили ее в больницу, и там она вскоре умерла. Похоронив ее, отец уехал домой в Учинью. Снова занялся рыбалкой. В 1937 году отца, его односельчан Макара Евстифеевича, Василия Ивановича забрали из деревни. Куда увезли, до сих пор неизвестно. Хотелось бы знать, где они, эти люди, всю жизнь отдавшие честному труду?..

Из дневников

ИЗ ГОДОВОГО ОТЧЕТА: В текущем году сотрудниками больницы засеяно 5 огородов, из них 4 распаханно вновь. Для нужд больницы снято 8,3 тонны картофеля. Каждому сотруднику я стремился выделить свой «приусадебный» участок. Для своих нужд сотрудники собрали не менее 8 — 9 тонн картофеля. Впервые был посеян турнепс, для этого мы распахали 0,5 га за рекой Вайсовой, в 7 км. от Березова. Здесь же был и покос. Наши труды оправдались, сняли 650 кг. турнепса.

Провели большую работу по благоустройству больницы (без свертывания основной врачебной работы). Перестроены приемная, перевязочная, лаборатория. Проведен большой ремонт печей. Заготовили сено и даже для сотрудников дрова. Работали в высокой степени напряженно, без выходных и без учета часов. Возникают и новые трудности: как обеспечить рабочих одеждой, обувью? Большие трудности для учета хлеба создали карточки: больные поступают в больницу без них, полагая, что в больнице и так их накормят. Убедительно просил окрздрав изменить порядок снабжения больницы хлебом (независимо от карточек), установить нормы снабжения больных продуктами.

12.X. Сегодня выпал снег, улетел последний самолет, ушел вчера последний пароход. Прощай, почта, письма и газеты, по крайней мере, до декабря, до зимнего пути.

Сегодня же была ВКК. Пришло человек 50 рабочих стеклозавода. Сплошные инвалиды. И это наша трудармия... И мы не имеем права освободить их от тяжелых физических работ, дать сокращенный рабочий день. У больных раздражение на врачей, а самочувствие врачей — прескверное. Если война продлится еще год — не знаю, что и будет...

9.XI. Прошли праздничные дни, в этом году я впервые дал отдых своим сотрудникам. В прошлом году, после большого бурана, мы пробивали дорогу для подвоза дров.

С фронта идут благоприятные вести: освобожден Киев, идут бои в Крыму.

Сегодня рыбзавод дал электричество — больница приобрела совсем другой вид, светло и тепло.

30.XI. Нужно всерьез браться за улучшение быта населения. Быт — это все. В быт вкладывается культура, материальные условия, отдых и развитие человека. А быт, особенно национального населения и трудмобилизованных, приезжих из Читинской и Хабаровской областей, исключительно тяжел. Жилище плохое, керосина нет, одежды почти нет, питание малоудовлетворительное. Особенно тягостное впечатление производит население по р. Вогулке. Формально все съехались в центральный поселок Тутпейм, фактически живут в старых местах. В новых юртах живут дети и то далеко не все, взрослое население или на охоте или на рыбалке. Что же все-таки делать? Надо делать население оседлым. Рыба — рыбой, а местное производство надо всемерно развивать, прежде всего — сельское хозяйство. Оно станет привязывать население к земле. Корова даст большое господорье.

В нашем месте исключительно много костного туберкулеза, много туберкулеза легких, исключительно распространен описторхоз. По литературным данным, Березовский и Кондинский районы являются мировыми очагами описторхоза... Долина реки Ганга славится холерой, долина Сосьвы — описторхозом. А для развития сельского хозяйства надо резервировать минимум рабочей силы, закрепленной за ним. Иначе дело не пойдет.

О рыбе. Район дает исключительно много рыбы, но местное население ее мало видит, вся она отправляется. Надо выделять какие-то фонды и для снабжения местного населения.

Делается все возможное для больных туберкулезом, но мало для профилактики этой тяжелой болезни. Необходимо улучшить состав питания всего населения. Но как это сделать в современных условиях? Видимо, надо расширить хозяйственную заинтересованность населения и дать возможность свободно распоряжаться продуктами своего труда. Выполнил план — остальное твое: продавай, меняй, ешь сам.

Со стороны может показаться, что я решаю не свои вопросы, не мое это ведомство... Но это только внешне так. Если я врач и хочу иметь население здоровым, я должен бороться за здоровье людей. Не лекарства, а экономика решает вопросы здравоохранения. Не словами — а делами.

Какова организация здравоохранения в районе? Прежде всего нужно создать врачебный пункт в Устреме. Здесь много производства, и он отдален от Березова.

Лечатся в больнице рыбаки, рабочие стекольного завода, а кормить их нечем. Осенью я кормил их одной картошкой, выращенной сотрудниками на больничных огородах, а пищевых концентратов нет. Отсюда затягивается выздоровление, повышается смертность. Человек — самый ценный капитал страны, а на его ремонт и воспроизводство не обращается должного внимания.

Нам нужен рентген, физиотерапевтические приборы, физиотерапия (съездить на озеро к Батманову, изучить свойства грязи), необходимо инфекционное отделение, а в перспективе — и родильное. Пока оно в общем корпусе больницы, но временно, отмечается определенная тенденция к росту рождаемости.

Мои выступления на эти темы были некоторыми руководителями района расценены как злой умысел, почти контрреволюция! Что же тогда понимать под защитой революции, если в ней забыт человек?

15 января 1944 г. Наступил новый, 1944 год. Года идут быстро, природа равнодушна к людям, их переживаниям и страданиям. Люди волнуются, страдают, погибают, в смене лет нет остановки. На смену покаяния придет другое, горе одних сменится горем других. Пока счастья и радости мало.

Война идет в высшей степени напряженно, наши успешно наступают и теперь уже на территории бывшей Польши. Грустно, что не спешат наши союзники, или они ждут истощения противников. А нам-то тяжело.

11 февраля. Плохо живет национальное население, особенно ханты в поселке Тутлейм. Голодно и холодно живут. Новые дома им поставили, но не учли национальных особенностей быта, не построили нар, приходится людям спать на полу. А дома легкие, без сеней. Население занимается охотой и рыболовством, а это дело случая и удачи. Особенность ханты: они не умеют делать запасов, даже ягод не собирают, хотя они летом в изобилии. Очень сожалею, что не владею хантыйским языком, я старался бы убедить их жить иначе, создавать жизнь своими руками. Надо собирать ягоды, сажать картофель, копать землю; она — наша кормилица. Надо заводить коров и ставить летом сено. Улучшать жилье. Объяснение с переводчиками не дает того эффекта, когда сам обращаешься к людям на их языке. Надо учить язык.

16 апреля. На днях прочитал в «Медработнике» заметку, что найдено средство от укусов комаров. Написал авторам письмо с просьбой прислать нам это средство хотя бы на тысячу человек. Для местного населения летом комар — казнь египетская! Радио

объявляет, что взята Ялта, теперь дело за Севастополем! Положение немцев безнадежно, скорее бы сдавались. Думаю часто о печальной судьбе сына. Мать болеет. Я совсем поседел.

5.V.44. Сегодня проводили подписку на 3-й военный заем. Сотрудники в основном подписались на 150%, причем большинство внесли наличными, чего раньше не было. Народ охотно подписывается, чтобы дать государству средства на успешное ведение войны.

25.VI. На Западе союзники организовали настоящий 2-й фронт и успешно продвигаются внутрь Франции. Война подходит к своему кульминационному пункту и затем к быстрому концу. Как хочется надеяться на близкую победу!

Строю для больницы ферму, дом уже заканчиваю. После сенокоса соорудим и скотный двор. Там же и огород. Выдвинул идею постройки подвижной бани (на плашкоуте) для рыбаков. И рыбзавод ее уже строит. Это будет первая подвижная баня в области. В Березове собираемся строить новую баню с парилкой и пропускного типа. Просил директора Соколова В.А. прислать инструкцию по изготовлению коревой сыворотки.

9 июля 1944 г. (последняя запись). Говорят, что ханты и манси равнодушны к своим детям. Какая чушь! Они любят их не меньше, чем любая другая народность, а иногда любовь доходит до трагизма. В Пугорских юртах умерла четырехлетняя девочка, болевшая воспалением легких. И мать с горя повесилась...

В июле И.Ф. Гладкий был на окружной конференции Союза медработников, где успешно выступил. Предлагают место главного врача окружной больницы. В конце июля вызывают в Омск на областное совещание сельских врачей. Мечтает поработать в клинической больнице хотя бы несколько дней, решить проблемы переливания крови, изготовления в местных условиях коревой сыворотки, приобретения лекарств для больницы, изучить применение пенициллина. 26 июля успешно выступает на областном съезде врачей, ему предлагают переехать на работу в г.Омск, в перспективе — возглавить эpidуправление области. Отказывается. Решает ждать конца войны в Березове, с этим связаны все личные надежды (реабилитация, поиски сына).

4 августа 1944 г. выезжает из Омска на пароходе «Усиевич». На нем — масса переселенцев (как тогда называли людей, изгнанных с родных мест на далекий, незнакомый север). Среди них — женщины, старики, дети, даже грудного возраста. Начинается эпидемия кори у детей, появляются больные тифом...

Вернулся в Березово и вскоре заболевает сам: в дороге от больных заразился сыпным тифом. Злая ирония судьбы: человек, спасший от гибели сотни людей, теперь сам оказывается фактически без врачебной помощи. Пока в сознании, назначает лечение сам... Просит жену делать записи о ходе болезни, изучает ее коварство на себе. Но болезнь оказалась его сильнее: 5 сентября его не стало. Поселок — в трауре, похороны выявили ту подлинную роль, которую играл в жизни людей этот ссыльный доктор. Может быть, ради этого и стоит жить. Долгая, добрая память людей — цена человека.

Публикация Е.И.Бородихиной.

БЕРЕЗОВО — ИЛИ ЗЕМЛИ

А.К. Шмелев: У нас дорога дальняя и вся с приключениями. Капитан нам попался удивительный. В Тюмени все говорили: «Ну, повезло тебе с капитаном! Он двадцать пять лет плавал!» Не знаю, где и на чем он плавал, но катером на реке управлять не умел. В первый же день, еле отошли от Тюмени — потерял фарватер. Мы все спали, просыпаемся — что такое? Сидим на мели среди поймы, кругом вода, а где собственно река — неизвестно. Капитан говорит: «Я только на минуточку...» Как где причаливать, наш капитан не успокоится, пока десять раз взад-вперед не отработает, а потом уж кинет чалку, и его, как собаку на шнурке, подтягивают. А уж когда от Березово на Казым пошли... Сюда-то налегкеплыли, а теперь сбоку катера причалена баржа с камералкой, жильем, на прицепе — бон, сложенный вдвое, — где же нашему капитану со всем этим управиться? Собираем все обстановочные вехи на реке, вырываем все корчи — разбойничаем, как на большой дороге! Пришлось «опытного» капитана уволить. Но новый капитан Слава оказался настоящий капитан — смелый, мастеровой.

Еще раньше выгнал механика-пьянчужку: из-за него чуть крушение не потерпели. Потом взрывника уволил — этот чуть не подорвался вместе с женой — она у него помощником была. Остались ребята, как на подбор. Оператор Коля Яковлев — молодой специалист — к концу лета я уже спокойно на него партию оставлял. Скарлыгин, Чушкин — мастеровые ребята, золотые руки. И веселый народ.

Когда мы дошли до Казымской культбазы, у нас кончилась взрывчатка. Я пошел к директору этой культбазы (славный такой старикашка): «Если я оставлю у вас своих ребят — отгулять выходные — вы не против?» — «Пускай погуляют». Я поехал в Березово — только собак с собой забрал. Они у нас в трюме жили: там, когда мы их закроем, — абсолютная темнота, комары не летают. А на берегу они только тем спасались, что яму выроют, в нее хвостом забьются, а передними лапами отбиваются. В Полновате мы собаку подобрали, хозяйка ее на шерсть подстригли — коростой покрылась! В партии ее Бараном звали. И знали собаки наш флот, как дом родной — ни за что не отстанут! Я раз на лодке топографов за сорок километров уплыл — в поселок за хлебом. Возвращаюсь к лодке из магазина — Найда, собака топографов, меня встречает. Мокрая, чуть дышит, но аж визжит от радости. Все сорок километров за мной гналась, все протоки переплыла.

Вернулся с взрывчаткой из Березово, пошел к директору культбазы: «Как тут моя вольная шарашка?» — «Ах, — говорит, — если бы ваша партия здесь стояла! У меня ни один молодой специалист сбегать бы не стал!» А молодые специалисты у него — сплошь девчонки. На культбазе — школа, больница, магазин, клуб, а народу-то нет, скучно. Мои парни только на воздух эту культбазу не подняли. Пили, пели, плясали, кино им по нескольку раз в день крутили.

После Казыма пошли работать к Малому Атлыму. Там была пробурена опорная скважина, и пахта она натуральным авиационным бензином. Буровики в Малом Атлыме обосновались, обжились, уже и своими домами живут, им куда-то перебираться теперь тяжело, просят: «Дай точку! Мы тебе ванну шампанского нальем!» Точку-то дапи, и уже в пятьдесят восьмом году нефть получили, но — литры (сейчас это Красноленинская зона месторождений). Ванны с шампанским не было.

Потом работали вверх по Оби. Там крутой берег обнаженный, и видно, что слои идут наклонно. Геологи предполагали, что в этом месте кристаллические породы подходят близко к поверхности, и дислокации верхних горизонтов связывали с глубинными. Но глубинные отражающие горизонты оказались горизонтальными. Глинистые породы смял ледник, они под его нагрузкой «потекли».

Приключений еще хватало. Попадали в самый настоящий шторм, и штормило с перерывами целую неделю. Морской болезнью переболели сначала собаки, потом женщины. Вода уже ушла, проток больших нету, так и болтались посередине Оби от одного берега к другому, где поспокойнее покажется. Бон, мелочевку всю на берег повыбрасывало, песком закидало...

А охота! Тоже шли по Оби и вошли в протоку маленькую. Уток тут — кишат! Мы на них наезжаем, они поднимаются, круг сделают и снова перед катером садятся. Охотники все на нос с ружьями — что твой крейсер, ощетились! Пальба, утки кружат и снова перед нами садятся, прямо на ружье пикируют. Охотникам кричат: «Стволы берегите, погнут!» Собаки, как началась пальба, все в воду попрыгали — подбирать. Вот доехали до места, приходят охотники: «Дайте лодки съездить, хоть собак соберем...»

В сентябре вызывают в Тюмень. Сдал партию Коле Яковлеву, приезжаю. Здесь новое руководство — Эрвье: «Предлагаю вам место начальника отдела разведочной геофизики.» Грачева сняли за «антипартийное» поведение.

Л.Д. Немцов: Пришла пора двадцатого съезда партии и хрущевского апофеоза с выявлением и критикой культа личности Сталина, попытками активной демократизации нашей общественной жизни. Вопросы эти в ту пору активно обсуждались на различного рода регламентированных собраниях (самостоятельных собраний тогда не было, их просто не умели проводить, да и боялись: культ и его репрессии были еще совсем близко). Состоялось такое собрание и у нас. Помнится, это было открытое партийное собрание, на нем по регламенту обкома критиковался культ и его сопровождение...

А.К. Шмелев: Высказался беспартийный Биншток, что культ и его последствия тем вредны, что все зарегулировано, работает не на дело, а на цифру, отчет. Потом беспартийный Шмелев на свою любимую тему: «Вот если бы нам дали волю самим устанавливать зарплату (с согласия профсоюзов) — половинной зарплатой могли бы выполнять ту же работу!» Грачев говорит: «Половинной — вряд ли. А вот двумя третями — наверняка. Треть у нас идет зря». Раскочегарили Грачева, да еще была кой-какая мелкая критика в его адрес, он и понес: «Разве это дело? Вот у нас такой сильный коллектив специалистов. Вы меня критиковать-раскритиковать, но не вы меня ставили, не вам меня и снимать! А надо, чтобы руководитель был ответственен перед коллективом. Надо выбирать его, но не на год — два, а хоть на четыре года. И чтобы все желающие на эту должность представили материалы на конкурс, чтобы эти материалы оценил научно-технический совет. Тогда бы я уже знал, что, если плохо справлюсь, меня через два года уже не изберут, стал бы для людей стараться. А так — для начальства я хорош, а до вас мне дела нет! А сами выборы? Выбираем мы в Верховный Совет, а в бюллетене один кандидат записан — какие же это выборы? Разве нельзя записать двух, трех наших хороших людей, чтобы можно было действительно выбирать того или другого?»

Л.Д. Немцов: Предложил регулярную и неформальную отчетность депутатов перед избирателями с отзывом несостоявшихся чиновников с «поста» на «месте».

И.М. Жук: Еще сказал, что если бы съезд партии непосредственно избирал генерального секретаря тайным голосованием, тогда, может быть, и Сталин не прошел бы, и всех этих бед не было бы. И это положение ему поставили в вину, как ревизию устава партии. Там все записано, и нечего вмешиваться! И выборность руководителей — то же самое!

Л.Д. Немцов: Тогда это выступление прозвучало резким диссонансом организованному суесловию. Как гром с ясного неба! Управляющий, коммунист — осмелился выступить с изложением собственных, а не предложенных и согласованных взглядов на обсуждаемую проблему! Да еще в присутствии беспартийных!

То ли Юрий Николаевич действительно поверил, что «демократия» и призывы к «критике снизу» искренни, то ли рискнул, как говорится, с ходу — трудно сказать. Позднее он говорил мне, что это был продуманный шаг, но мне, честно говоря, в это не верится. Грачев был человеком импульсивным, но отнюдь не наивным.

И.Л. Шмелева: Отец Юрия Николаевича — ректор Ленинградского горного института — был расстрелян в 37 году как «враг народа». Сына-студента заставили отречься от отца. Надо сказать, что до пятидесят третьего года практически все тюменские геофизики были либо из семей репрессированных, либо пережили эвакуацию, или считались «неблагонадежными» по национальному признаку — как я, например. Но отречься нам не приходилось. Думаю, что Юрия Николаевича это жгло. Наверное, ему было необходимо, наконец, открыто сказать все, что он думает, — тем более перед людьми, которым он верил.

Л.Д. Немцов: Уже на следующий день о «непартийном» (кажется, даже «антипартийном») поведении Грачева на открытом партийном собрании стало известно в Тюменском горкоме партии.

И.М. Жук: Меня пригласили в горком и предложили написать про антипартийное выступление Грачева. Я антипартийным его выступление не считал — так и написал. Назначают у нас снова партийное собрание. Мы уже чувствовали, что оно будет нелегким, тщательно готовились — помимо партбюро. Договорились, что не дадим расправиться с Грачевым. Все тщательно продумали. Будет внесено предложение о выборе секретариата — один человек не может такой протокол вести. Будет записано выступление каждого коммуниста, и обязательно с его росписью. Чтобы не повторяться, договорились, кто будет выступать, что и как говорить. На партийное собрание пришли два представителя из горкома, они все клонили к тому, чтобы обвинить Грачева, но наши коммунисты стояли на том, что допущена оговорка, неточность, но нельзя говорить о политической ошибке. Горком предлагал считать дальнейшее пребывание Грачева в должности нецелесообразным. Мы это исключили и предложили объявить выговор без занесения в учетную карточку. Наше предложение было принято. Но попытки убрать Грачева продолжались.

О.В. Шкутова: Кто-то из наших старался его «съесть». Ну, и горком. Возмущались мы ужасно! Написали письмо в обком и целой компанией отправились его относить: Монастырев, Копелев, Немцов, еще кто-то...

Л.Д. Немцов: Октябрина, имея партбилет, обладала правом прохода в здание обкома, а мы проникли туда по списку, как «делегаты». Была там беседа с каким-то «чином». Он обещал принять наше заявление к сведению. Но, возможно, наше заступничество было расценено как отягчающее обстоятельство, доказательство неуправляемости коллектива при неуправляемом руководителе.

О.В. Шкутова: Насчет меня это сформулировали как «возглавила демонстрацию беспартийных». Опять было партийное собрание.

И.М.Жук. Уже из обкома пришел представитель обсуждать письмо, что Октябрина относила. Он высказался, что, дескать, запрещается писать, и кто будет писать дальше, тот «коммунист — уже не коммунист, не товарищ!» Я спрашиваю: «Так что ж, его из партии долой и за решетку? Только там у нас «не товарищи». Какую крамолу допустили коммунисты, написав письмо в защиту своего товарища? Ваше выступление выдержано в духе 37 года!» Лина Павловна Шпорт сказала: «Я молодой коммунист и не думала выступать. Но, послушав выступление секретаря обкома, даже пожалела, что вступила в партию. Я представляла партию так, как написано в уставе, а тут — что такое? За письмо грозят, осуждают, «товарищ больше не товарищ»!... Высказалось человек шесть и все в таком же духе. Секретарь ушел мрачнее тучи.

Грачев потом спрашивал меня: «Может, пойти и сказать, что виноват?» Я ответил: «Нет, Юрий Николаевич, нельзя этого делать. Вам надо держаться своего коллектива.» Но тут уже взялся за дело первый секретарь обкома, и он довел его до конца: Грачева освободили от должности.

Л.Д.Немцов: Ему было «отказано в доверии» со стороны обкома с соответствующим представлением в министерство, в Москву. Это означало, что в самое короткое время Юрий Николаевич должен уйти с поста управляющего и, как следствие, покинуть Тюмень. Как видите, демократия все же прогрессировала: Грачева не посадили, а отстранили. Разница!

А.К.Шмелев: Мы еще одно письмо написали, уже в ЦК. Подписей было много, стояли они в алфавитном порядке: Альтер, Биншток и так далее. И вот раздался звонок из Москвы, из ЦК, просят к телефону Альтера и Бинштока. Бинштока на месте не было, нашли Альтера. Взял он трубку. Ему очень вежливо объясняют, что письмо получено, беспокойство коллектива понятно, но у Юрия Николаевича все хорошо, его опыт и знания не ставятся под сомнение, он просто переведен на другую работу, в Башкирию. Попросили передать коллективу пожелания трудовых побед и успешного решения поставленных задач... Альтер положил трубку и говорит: «Теперь моя фамилия будет Яльтер!» Больше писать было некуда.

В это же время, в 57 году, начали ликвидировать министерства, организовывать комитеты, совнархозы. Министерство нефти тоже реорганизовалось. У нас было два треста: буровой /геологов/ и наш. Давно шла полемика: соединять — не соединять. Уход Грачева ускорил решение верхов. У буровиков в то время объявилась сильная личность — новый управляющий Юрий Георгиевич Эрвье. Он и возглавил новое совместное, но названное геологическим, предприятие.

Следом произошло объединение обеих Березовских экспедиций. Была вновь организована Ханты-Мансийская, создавались новые экспедиции. Теперь наступление нефтеразведки по всем фронтам было уже полностью подготовлено, с неожиданной щедростью обеспечивалось благодаря явно проявившейся заботе партии и правительства.

Закончился лишь «Грачевский период», «академия Грачева», и поселок Березово утратил свое временное значение «пупа земли».

Хром Гефест царует в цехе,
Багров от резкого огня.
Как к незатейливой потехе
К работе приучал меня.
Поковку выхватив клещами,
Протянет шустро: прикури!
И грянет молот между нами
С рабочим воздухом внутри.
Торчит из рукавицы палец,
По бороде струится пот.
— Пора на свалку, Петропалыч, —
Сам о себе кузнец вздохнет.
Понятна мне твоя уловка,
Веселый хитромудрый черт, —
Опять под молотом поковка
Тягуча и светла, как мед.
Не тронет белая остуда
Души, просвеченной огнем.
Точнейший опыт и причуда
Чертовски копобродят в нем.
Хрустят окалинные хлопья
Под изувеченной ногой...
И вечер смотрит исподлобья
На дыма посвист искровой.
— Пора, напарник, закругляться, —
Он выключит поддув горна...
На травы будут осыпаться
Седые искры до утра.

* * *

Как ни часты дожди,
Им не вычесать все же
Той взрывной щебетни,
Той рассыпчатой дрожи,
Что сиянью сродни.

Май перенаселен
Разнопестрою жизнью.
И мою взял в полон,
Взял, как дикую вишню,
Брошенную сепом.

Лесу век не везло,
Вырубали упорно.
Нынче время прошло —
Сам упрямые корни
Запускает в село.

Так и будет, когда
Правит молодость лесом,
Нежность — силой дождя,
Да и нашим железом
Далеко не вражда.

Время всех одарит
Там, где боль не в секрете,
Там, где радость творит,
Там, где нежность в ответе,
Если сытый не сыт.

Дом вздрагивал,
вполголоса
Печной утробой вып.
За два часа до поезда
Я двери приоткрыл.
Зима!

До детства самого
Бездомностью прожгло.
Теперь начать бы заново,
Что было да прошло,
Что мучит болью жалости,
Отчаянья почти...
Но сколько беспощадности
В глазах твоих —
иди!

Так много снегу выпало,
Так хладнокровен свет,
Что просто нету выбора
Куда вести свой след.

ОСЕНЬ В ТВОЕМ ГОРОДЕ

Еремей Айпин
Осенняя грусть

Ты помнишь ли ту Осень?

Я приехал к Тебе.

Падал снег. Снег падал огромными хлопьями, закрывавшими все небо.

Помнишь ли тот Снег?

И мы пошли на реку.

У реки, где с моря налетал резкий ветер, хлопья снега взрывались и бешено неслись неведомо куда.

На реке стояли на якорях корабли с торчащими стволами пушек. Над ними низкое тяжелое небо, а под ними свинцово-ледяная вода. И корабли тоже отливали свинцом.

Был праздник.

И на кораблях была праздничная суета. Люди в черном сновали туда-сюда. Мы тогда гордились этими кораблями. Во какие мы сильные! Во какие мы могучие! Во какие мы великие!.. В то время я еще не понимал, что любой такой корабль — это смерть. Смерть всем нам или нам же подобным на других континентах.

Мы шли в снегу. Шли под ударами ветра в спину. Я шел со стороны реки, как бы прикрывая Тебя от ледяного холода воды. Мы шли. Я молчал. Я молча слушал Тебя. Слушал твой удивительный голос. Ты говорила. Ты рассказывала мне о своем городе. Ты говорила с любовью. С любовью к своему городу, где на каждом шагу какая-нибудь достопримечательность. Я слушал ревниво. Я ревновал Тебя к твоему городу. Слушал твой изумительный голос. Изумителен был тембр, чистый и нежный. Я слушал как сказку, как песню, как симфонию. Я улавливал и вздохи ласкового моря, и шелест осиновых листьев в прибрежном лесу, и серебряный звон таежного родника. Твой голос завораживал меня, усыплял меня, волшебным переносил меня в совершенно другой мир, в другое измерение. Кажется, помню все, что Ты мне говорила. Но неожиданно и ненадолго куда-то исчезал. Вернее всего, попадал в неземное пространство.

Если в прозрачно ясный и тихий вечер в укромном лесном закоулке, перед разгорающейся вечерней зарей очень осторожно и нежно задеть отливающий живым оранжевым огнем Небесный Купол, возможно, он издал бы что-то подобное твоему голосу... Не знаю, говорил ли Тебе кто про твой необыкновенный голос. Не знаю, ведаешь ли, каким волшебством Ты обладаешь?! Не знаю, я же про это Тебе ничего не сказал...

По набережной сновала принудительно-добровольно выведенная на улицы не очень веселая праздничная толпа.

С набережной, свернув вправо, мы вышли на знаменитую Главную площадь твоего города. Шли медленно, не спеша. Ты говорила и показывала, а я смотрел и слушал. Конечно же, больше смотрел на Тебя, нежели на достопримечательности города. Потом повернули под арку и прошли на Главную улицу твоего города, тоже знаменитую. Впрочем, все тут, к чему ни прикоснись, чем-нибудь да памятно. Хотя каждый город по-своему примечателен. Но это твой город!.. Город, как и Ты, не был похож ни на один другой... Мы перешли Главную улицу против кинотеатра.

Помнишь ли, как назывался тот кинотеатр? Я помню, но мне не хочется, чтобы кто-то узнал твой город. Он принадлежит только Тебе и никому больше. И кинотеатр тоже принадлежит мне и Тебе.

Город был наполнен твоим дыханием.

Город дышал Тобой.

На улице пронизывающий ветер с моря бил в наши спины, а падающий снег сразу же превращался в мокрую слякоть под ногами. Но мне рядом с Тобой было тепло. Я не чувствовал ни холода, ни ветра, ни слякоти на земле. Но тем не менее в фойе кино мы выпили кофе. Кофе был не очень горячим, но приятным.

В зале я сидел слева от Тебя и слушал твое сердце. Не помню, как назывался фильм. Не помню ни одного кадра. Наверное, ни разу не глянул на экран. Я чувствовал только тебя. Ничего не скажу о твоих глазах, о твоих волосах, о твоих губах. Не хочу, чтобы кто-то узнал Тебя. Пусть никто и никогда не узнает Тебя. Но я помню твое тепло. Ты излучала тепло, и я улавливал это тепло, начиная с колена. И чем выше, тем теплее и жарче Ты становилась, постепенно превращаясь в испепеляющий огонь. И я горел в этом сладостном огне...

Помню твои слова.

Помню твои волосы.

Помню твои губы.

Я помню...

Словом, все я помню...

Тогда, в кино, справа от Тебя сидела твоя подруга, милая и красивая блондинка. Сначала я был огорчен тем, что Ты взяла с нами подругу. Но она оказалась девушкой деликатной, и я почти не чувствовал ее присутствия. При ней мы были вдвоем. Точнее, для меня была только Ты. Одна, единственная.

Я был счастлив.

Потом, уже в густых сумерках осеннего дня, мы вышли из кино. По-прежнему шел снег, дул ветер, и праздничные прохожие, больше радующиеся нерабочему дню календаря, неистово месили уличную слякоть.

Загустели сумерки.

Загустели сумерки короткого осеннего дня твоего города.

Я был очень счастлив. И думал, что буду вечно счастливым рядом с Тобой. Хотя и предчувствовал, что слишком большое и неожиданное счастье не может быть вечным и неколебимым. Наоборот, оно очень хрупкое.

Наступил вечер.

Спустились сумерки.

И мы поехали к вам...

... А на другой день мы расстались.

Расстались навсегда.

Расстались.

Потом я приезжал в твой город. И уже один бродил по нашим следам. Вернее, по твоим следам. Набережная, Главная площадь, арка, короткий проезд, Главная улица, кинотеатр, твой дом, твоя улица. Я бродил как бы в сомнамбулическом сне. Никого и ничего не воспринимал. Видел только горящие тихим огнем твои следы. Слышал только твой голос. Вспоминал только твои слова. Улавливал запах твоих духов. Иногда навязывались искаженные пушкинские строки «... ходила маленькая ножка, вился локон золотой...» Хотя у Пушкина все это, кажется, было в настоящем времени. Сожалел, что в кино не помню ряд и место, где Ты тогда сидела.

Город без Тебя стал пустым.

Город без Тебя стал мертвым.

И я как будто приезжал к покойнику...

Странно, почему в тот наивысший миг счастья я не сгорел?! Почему я не превратился в пепел?!

Проходили Осени.

Проходили Зимы.

Проходили Лета.

Прошли годы.

Но годы ничего не стерли во мне, ничего не притупили у меня. Как ни странно, время оказалось бессильным пред моим чувством к Тебе. Твое божественное имя живет во мне, и я это имя не доверю никому... Ты теперь от меня далеко-далеко, недосыгаемо далеко. И я часто думаю, что было бы, если бы сейчас мы с Тобой вдруг встретились?! Что было бы?! Что?!

Недавно я узнал, что твоя подруга, та милая и красивая блондинка, ушла из жизни. Жаль ее, жаль... Теперь свидетелями того таинственного осеннего дня в твоём городе остались только мы вдвоем. Нас двое, Ты и я — и больше никого.

Жизнь моя, как Солнце в полдень, уже поворачивается в сторону заката. И, наверное, мы с Тобой уже больше никогда не увидимся. Но я знаю, что никто и никогда не смог и не сможет полюбить Тебя так, как любил и люблю Тебя я.

Теперь я тешу себя одной мыслью, что в Нижнем Мире, как уверяла меня моя языческая бабушка, каждый человек, и я в том числе, проживает еще раз одну жизнь, но только в обратном направлении. И сейчас живу надеждою, что в той жизни я проведу с Тобой еще один день в твоём осеннем городе и еще раз испытаю короткий миг наивысшего счастья.

Ради этого стоило пройти по этой жизни...

27 января 1993 года

Барвиха

ПОЯР-БОГАЧ

Сказка кондинских манси

Жил Пояр-богач. Было у него столько богатства: пил, что хотел, ел, что хотел, носил, что хотел, делал, что хотел, а хотел — ничего не делал, за него работники делали.

Все, чем люди сообща владели, он один захватил. Завладел реками и озерами, борами и болотами. Считал себя хозяином и владыкой над всем, живущим в этих лесах, озерах, реках, и царем над людьми. И даже священную птицу мансийского народа Сайрен Катэн — белого лебедя убивал и шапки себе шил. А работников своих считал хуже собак, в дом не пускал, на порог есть-пить выносил. Да что говорить про работников, когда своих родителей не почитал — на старости лет ничем не помогал, в дом не принимал. С охлты едет — добычей не поделится, с рыбалки едет — мимо проедет.

И вот услышал про Пояр-богача сам Паир-анщик — бог справедливости и решил проверить, правду ли люди говорят. Оделся он путником и пошел по тем краям и землям, где Пояр-богач проживает. Пришел в дом Пояр-богача, через порог переступил, разрешение войти попросил. Кивнул чуть-чуть головой хозяин, а губ не разжал, пройти не пригласил, пить-есть не предложил. Забыл мансийские обычаи путника принять, накормить да спать уложить.

Постоял Паир-анщик да и сел на порог. Посидел-посидел, сам есть-пить попросил. Подал ему хозяин такую пищу, что и собаки есть не будут. Поблагодарил Паир-анщик — бог справедливости хозяина и сидит дальше. А хозяин Пояр-богач будто его не видит, ни о чем не спросит, ничего сам не скажет.

До вечера просидел Паир-анщик на пороге дома Пояр-богача. Спать ложиться надо, а его в дом не приглашают. Тогда и спрашивает Паир-анщик:

— А где мне спать ложиться?

— А там, где сидишь, — отвечает хозяин.

В полночь открылось окно на полуденную сторону и голос спрашивает:

— Здесь Паир-анщик ночует?

— Здесь, — отвечает путник.

— У молодых сын родился, так какой ему век дать — долгий или короткий?

— Пусть живет до белых волос.

Разговор этот слышала дочь хозяина, а утром, когда встали, путника и след простыл. Рассказала дочь отцу про ночной разговор, да на том и дело кончилось.

Прошло некоторое время, и видит Пояр-богач, что все его богатство бесследно исчезает, уменьшается, уходит, как вода через песок. До того дожили, что и самим есть-пить нечего стало. И решил Пояр-богач пойти к Паир-анщику — богу справедливости на поклон и просить его о том, чтобы вернул хоть часть богатства.

Много ли, мало ли шел, видит: по дороге мужик охапку сена туда-сюда бросает. Во все стороны бросает, остановиться никак не может. Подивился Пояр-богач и спрашивает:

— Почему ты охапку сена туда-сюда бросаешь?

А мужик отвечает:

— Это меня Паир-анщик так наказал. Если ты, Пояр-богач, идешь на поклон к Паир-анщику — богу справедливости, про мой грех спроси, когда мне кончать охапку сена туда-сюда бросать?

Пообещал Пояр-богач и пошел дальше. Шел, шел, видит изба стоит. Зашел в нее. А там женщина из кринки в кринку молоко переливает, остановиться никак не может.

Подивился Пояр-богач и спрашивает:

— Зачем ты это делаешь?

Она отвечает:

— Это меня Паир-анщик так наказал. Если ты дойдешь до Паир-анщика — бога справедливости, и про мой грех спроси, когда кончать молоко переливать?

Пообещал Пояр-богач и пошел дальше. Шел, шел, видит щука поперек реки лежит, и люди по ней, как по мосту, ходят. Спина у щуки вся высохла, вышоркалась и потрескалась. Перешел Пояр-богач по спине щуки через реку и спрашивает:

— Почему ты здесь лежишь, а не по рекам-озерам гуляешь?

Щука и отвечает:

— Меня за грехи перед людьми Паир-анщик наказал, вот я и служу людям. И если ты, Пояр-богач, дойдешь до него, и про мой грех спроси, сколько еще мне служить людям?

Пообещал и щуке Пояр-богач и пошел дальше.

День шел, второй шел, на третий пришел к Паир-анщику. Увидел его Паир-анщик и говорит:

— Что-то ты скоро по моим следам пришел. Какая такая беда тебя ко мне привела?

Пояр-богач и отвечает:

— Все мое богатство куда-то исчезло, ничего не осталось. Вот я и пришел просить вернуть хоть часть его.

— Нет! — отвечает Паир-анщик. — Ты наказан за то, что не почитал старших, людям не помогал, священных птиц убивал, а поэтому от сего времени ты каждый день будешь бегать за куском хлеба. Сегодня беги за куском хлеба, завтра беги, послезавтра беги. И так до смерти бегать будешь.

Понял Пояр-богач, что виноват он перед людьми, птицами и зверями и что нечего ему просить у Паир-анщика, и что домой он должен идти с тем, с чем пришел. Тогда он и говорит Паир-анщику, что по дороге встретил мужика, кидающего во все стороны охапку сена, женщину, переливающую молоко из кринки в кринку, щуку, мостом лежащую. И все они просили узнать у него, Паир-анщика — бога справедливости, когда же их наказание кончится.

Паир-анщик и отвечает:

— Мужик всю жизнь сено воровал, сам не заготавливал, и поэтому наказан остаток жизни сено охапками раздавать. А грех его кончится тогда, когда он столько сена раздаст, сколько украл. А женщина, что молоко переливает, будет разливать до тех пор, пока воду от молока не отделит — ту воду, что подливала в молоко для продажи. А щука, что мостом лежит, наказана за то, что проглотила людского ребенка, и ее грех кончится тогда, когда она отдаст его людям назад.

И пошел Пояр-богач назад с тем, с чем и пришел. День шел, второй шел, на третий к щуке-мосту пришел. Увидела его щука и спрашивает:

— У Паир-анщика был?

— Был.

— Про мой грех спросил?

— Спросил.

— Что он сказал?

— Ты людского ребенка проглотила, грех совершила, и если отдашь его назад людям, твой грех кончится.

Щука назад ребенка отдала людям, хвостом вильнула и ушла.

Подошел Пояр-богач к избе, где женщина его ждет не дожидется. Увидела его, скорее в избу приглашает, есть-пить подала, а сама спрашивает:

— У Паир-анщика был?

— Был.

— Про мой грех спросил?

— Спросил.

— А что он сказал?

— А он сказал, что ты молоко водой разводила и так продавала. И пока воду от молока не отделишь, твой грех не кончится.

И пошел Пояр-богач дальше, а женщина осталась воду от молока отделять.

Дошел до мужика, что охапку сена все еще бросает. Тот увидел его, обрадовался и спрашивает:

— У Паир-анщика был?

— Был.

— Про мой грех спросил?

— Спросил.

— А что он сказал?

— А он сказал, что ты сам сено не заготавливал, всю жизнь воровал, а поэтому до тех пор будешь сено раздавать, пока все, что украд, не раздашь.

И пошел Пояр-богач дальше, а мужик так и до смерти охапками сено раздавал, потому что столько за свою жизнь украд, что и детям его грех тот остался.

А дома Пояр-богача ждут. Увидели, обрадовались, встречают. Зашли в дом, а в доме пусто и есть нечего. Спрашивают, как сходил, что принес, как дальше жить. Отвечает Пояр-богач, что их род за плохое отношение к людям, зверям и птицам наказан. С этого времени всю жизнь, каждый день будут бегать за куском хлеба — сегодня беги, завтра беги, послезавтра беги.

А тем, которые начинают жить подобно Пояр-богачу — не соблюдают священных законов земли мансийской — нет места в наших краях, в наших землях.

Вспомним о кондинском диалекте

Журнал «Югра» дал уже десять уроков мансийского языка, его сосьвинского диалекта. Это хорошо. А я бы хотел поговорить о кондинском диалекте, а то наши кондинские манси забыли родной язык. Это относится, например, к жителям деревень Шугур, Нертымова, Чалкина Карымского Совета, который считается национальным.

Сосьвинский и кондинский диалекты заметно отличаются. Например, А. Заев в двенадцатом номере «Югры» за 1992 год название Ворья переводит как «Лесная речка». А я бы сказал: «Урманная речка». А лесную речку я бы назвал Ивья, потому что «вор» означает «урман», а «ив» — лес. Не зря на Конде появилась когда-то деревня Евра, точнее — Иввыр павыл. Слово «иввыр» обозначает лесистую гриву.

Интересно задуматься и над другими географическими названиями. Возьмем слово Ампатур (по-кондински Омптур). «Тур» — «озеро», «омп» — «собака», значит «Собачье озеро». Но ведь слова в словосочетаниях Омптур, Иввыр, Ворья могли в вогульской речи стоять и в обратном порядке: «тур омп», «выр ив», «я вор». В последнем случае выясняется, что мягкий знак в слове Ворья используется всего лишь как разделительный между двумя мансийскими словами.

Название некоторых кондинских населенных пунктов я бы перевел так: Янипавыл — «большая деревня», Карым (по-моему, точнее Харым) павыл — «хорошая (или добрая) деревня», Турпалы (Турпавыл) — «озерная деревня», Юмас (Выйммас) — «звериная земля», Арпавла (Орпавыл) — «запорная деревня» (неподалеку от нее городились зимние и летние запоры), Шаим (Саимпавыл) — «гнилая деревня», Варпавла (Ворпавыл) — «деревня в урмане».

Эта последняя деревня стоит между туманами на берегу Аха.

Туман — это озеро. Леушинский туман от его вершины до Леушей тянется почти на 70 км. и делится на части. Все три речки, соединяющие четыре озера, называются одинаково: Ах. А озера: самое верхнее — Сатыгинский туман, потом идут Третьевский, Второвский и Леушинский. Последний больше всех, в половодье в отдельные годы он сливается с поймой Конды возле бывшей деревни Токлован.

Были еще деревни с мансийскими названиями выше поселка Луговая. Это, например, Елушкина (Онкыпат) — название как-то связано со словами «огонь» и «утка». Была на Конде деревня Турсунка (« устье озера»), рядом с ней через Турсунское озеро вытекают Кипавлинская и Сосновско-Пантрашинская система озер. Название деревни Кипавла (Киэпавыл) произошло от слова «киэ», обозначающее старинное земляное жилище, а Нехымпавыл — от слов «курья» и «линь» (рыба, встречающаяся в бассейне Конды). Деревня эта была окружена глухими глубокими курьями.

Н.Калымов, пос. Кондинское.

Птичья столовая

Кормушки для птиц сооружают обычно осенью.

Повесить кормушку в саду или у окна своей комнаты совсем несложно. Птицы очень хорошо отзываются на заботу: две синички за один день могут уничтожить вредителей на сорока яблонях.

Оформляя птичью столовую, старайтесь делать не очень большие кормушки: чем больше птиц — тем больше опасность заражения инфекционными болезнями. Корм (семена растений, хлебные крошки, просо, овес, ягоды) должен быть сухим и чистым. Закладывают его в кормушки раз в неделю, предварительно убрав остатки предыдущего птичьего пиршества. С наступлением весны кормушку вымойте горячей водой, отремонтируйте и уберите до будущего сезона.

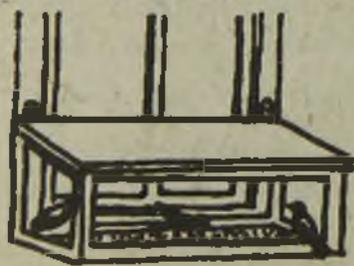
А пока выбирайте архитектурный проект.

Удобны крытые кормушки. Важно лишь, чтобы крыша была немного шире самой кормушки и достаточно покатой — снег с нее должен сползать.

Трубка из картона тоже может служить кормушкой.

Столик с бортиками наиболее прост в изготовлении, но снег с него придется сметать каждый день.

Автоматические кормушки по конструкции напоминают деревянный ящик, с косо поставленной передней стенкой. Нижним краем она не доходит до дна кормушки на 10 — 15 мм. Через эту щель насыпанный сверху корм попадает на лоток. Крышка укрепляется на петлях, делают ее в форме навеса.

МАШКА

— Данила Григорьевич! Смотри, медвежонок сидит на кедре. Давай, подгребай к берегу и заберем его, увезем домой.

— Нет, Никита Алексеевич. Ничего из твоей затеи не выйдет: а вдруг его мамаша из кустов выскочит, тогда и самим не сдобровать.

— А ты не трусь. Мы потихоньку подъедем, осторожно подкрадемся, осмотримся и, если мамашине окажется, то заберем медвежонка. Привыкнет к людям, будет потешать всех соседей.

После долгих уговоров Данила Григорьевич, наконец, сдался. Два неразлучных друга — рыбаки из небольшой хантыйской деревни — подъехали к берегу протоки и, вооружившись на всякий случай топором, осторожно направились к кедру, озираясь по сторонам.

Медведицы поблизости не оказалось. Никита Алексеевич смело полез на невысокий кедр и, когда до медвежонка оставалось уже совсем немного, услышал испуганный крик своего друга: «Спасайся, бежит!»

В одно мгновение Данила Григорьевич оказался в лодке и, оттолкнув ее от берега, быстро отъехал подальше от него.

В этот момент медведица была уже под деревом. Она искоса посматривала маленькими злыми глазками то вверх, то на протоку и недовольно урчала. Здесь уместно отметить, что медведи обладают неважным зрением, но зато у них прекрасное обоняние и слух.

При таких обстоятельствах выручить друга из беды никак невозможно. Вот было бы с собой ружье, тогда зверя можно было и отогнать. А сейчас нужно искать какой-то выход. Тревожные мысли одна за другой пролетали в голове Данилы Григорьевича. Тоскливо было на душе и у его друга, попавшего в ловушку.

— Слушай, держись как можешь, я съезжу домой за ружьем и выручу тебя, — донеслось с протоки.

— Хорошо ему так говорить. А тут сидишь, словно лиса в капкане, боишься лишней раз пошевелиться, хотя ноги уже занемели. Вверху медвежонок глазами-бусинками посверкивает. Внизу мамаша не отходит. Хорошо, что на кедр еще не лезет. Или не знает точно, где ее дитя находится, или же меня не чувствует. Считает, что человек на лодке — это и есть тот, кто оставил запахи на земле, хвое. Более часа проездил Данила Григорьевич. Вернулся с ружьем и собакой. Зверовая лайка сразу же бросилась к медведице, а ее хозяин пальнул в воздух из обоих стволов почти одновременно. Испуганный грохотом зверь бросился в кусты, по пути отбиваясь от вонзающей острые клыки собаки.

Когда опасность миновала, Никита Алексеевич перевязал медвежонка поданной ему веревкой и спустил на землю.

Вскоре они уже подъезжали к поселку, расположенному на живописном бугре. С двух сторон его окружает кедровый бор, а напротив раскинулся заливаемый весенним половодьем сор. Справа течет протока, полноводная с весны и пересыхающая на перекатах к осени. Прекрасное место для рыбалки и охоты, сбора ягод и орехов, разведения скота.

Все собравшиеся на берегу с нетерпением смотрели на приближающуюся лодку. Их волновало одно — жив ли Никита Алексеевич. А когда еще издалека заметили, что едут двое, — лица людей засветились радостью.

По предложению русских переселенцев медвежонок назвали Машкой. Она быстро привязалась к людям, охотно брала из рук лакомства и целые дни баловалась с детворой. Деревенские охотничьи собаки, привыкшие к тому, что в некоторых домах каждое лето жили какие-нибудь зверьки и птицы, не обижали их. К молодым щенкам, да и ко взрослым собакам Машка подходила смело. Защитников у нее было хоть отбавляй.

Так беззаботно прожила она лето и осень. На зиму ее поместили в пустой сарай. Кормили мороженой рыбой, которая в изобилии ловилась на живунах, и лосиным мясом. Никита Алексеевич и его дети заботились о том, чтобы у Машки всегда была свежая подстилка из сена.

Весной, когда стали выпускать коров, лошадей и овец, начались неприятности. Подросший и окрепший медвежонок пугал животных своим запахом. А мелких телят и овец пытался схватить, оставляя на их боках царапины. Правда, и ему приходилось трусливо удирать, когда его дружно, всем табуном атаковали коровы или смелые лошади.

Но все же Машку пришлось посадить на цепь, что ей весьма не нравилось. Свобода кончилась, а медвежонку так хотелось порезвиться, поиграть с ребятами. Ограниченность свободы злила ее с каждым днем сильнее и сильнее. Не раз случалось так, что она цапала своей когтистой лапой кормивших ее хозяев, если они пытались забрать чашку с едой. А когда срывалась с цепи, то снова гонялась за телятами и овцами.

Не выдержав такого, односельчане предложили избавиться от Машки немедленно. Хоть и не хотелось Никите Алексеевичу расставаться со зверенышем, но пришлось. Посадил он ее в лодку и увез за протоку к тому памятному для него кедру, отпустил на волю. Сам украдкой от увлекшейся ягодами Машки добрался до лодки и домой возвращался мрачный.

А наутро в поселке случился переполох. Оказывается, Машка переплыла протоку и вернулась домой. Пришлось снова держать ее на цепи в бревенчатой стайке.

К трем годам медведица выросла в крупного, сильного зверя, в таких условиях стала злой к посторонним. После долгих раздумий Никита Алексеевич снова посадил ее в лодку и отвез по большой воде за сорок километров через несколько соров подальше от человеческого жилья.

— Теперь-то уже наверняка не вернется. Такое расстояние ей не проплыть, да и следов от меня на воде не будет. А до осени, пока обсохнут сора, она привыкнет к вольной жизни — так рассуждал человек, оставивший зверя, к которому очень привязался, но вынужден был расстаться.

Машка долго смотрела вслед удаляющейся лодке, пробовала было плыть за ней, но вернулась назад в надежде, что хозяин ее не бросит, как бывало прежде, когда он брал ее с собой на рыбалку и оставлял у костра на таборе.

Кончилось лето и осень, а затем зима. Наступила новая весна. Однажды в середине мая с пастбищ в поселок прибежали испуганные коровы и лошади.

— Какой-то зверь напугал. Не иначе как медведь, — решили охотники.

И каково было их удивление, когда из леса вышла Машка с парой маленьких медвежат. Недоверчиво поглядывая на людей, она привела своих детей к дому, в котором выросла.

Безусловно, такого крупного хищника держать в поселке теперь было совсем небезопасно, поэтому Машку вместе с медвежатами через сора увезли на горный берег Оби.

С тех пор прошло много лет. Нет уже в живых ни Машки, ни друзей-рыбаков, поймавших ее медвежонком. Постепенно захирел и поселок, люди перебрались на центральную усадьбу совхоза. Сейчас о нем напоминают лишь несколько полуразвалившихся домишек. Но память старожиллов сохранила множество историй из жизни бывшего древнего поселка, в том числе и о Машке.

* * *

И сейчас некоторые жители держат диких зверенышей и птиц. Ясно, что, как и у Машки, дальнейшая судьба их весьма незавидная, а у многих окончится и трагически. Поэтому всем, кто любит животных, прежде всего нужно подумать, а стоит ли брать их в дом?

А. Зеленин, п. Октябрьское.

НА ДРОЖЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

В пункте слияния Иртыша и Оби у нас заглох мотор. Около разделительного пестрого буя не понадобилось даже и якорь бросать. Яхту здесь могло вертеть на одном месте часами. Дали мотору остыть, долили в картер масла, почистили свечу, и движок довольно заурчал, вынося нас на обширное нижнеобское плесо. Справа возвышенность Белогорский материк, слева низкая пойма, но виднеется и протяженный лесистый увал. Да, пожалуй, этот створ всегда будет соблазнительным для гидростроителей: прямо руки чешутся соорудить здесь плотину! Только зачем?

Надо заметить, что наш двигатель не имел холостого и заднего хода, и это требовало особого искусства при подходе к берегу или уходе со стоянки. Работа руля существенно различалась в зависимости от того, парусами или мотором приводится в движение судно. Рулем же нужно уметь в некоторых случаях резко погасить скорость. А вообще плавание по могучей реке доставляет огромное наслаждение: за каждым поворотом или мысом, как здесь говорят, тебя ожидают новые яркие впечатления, встречи и события. Перед призывом «музы дальних странствий», как известно, не могут устоять даже и целые континенты.

Турбины свист или стук колес
В глубокую грусть погружают меня.
Я знаю, что мчусь. Но куда? Вот вопрос.
Куда лечу от родного огня?
Видно, писано мне на роду
Вечно спешить и, участь кляня,
Снова и вновь попадать в беду,
Лишь призрак удачи в душе храня.
Вот и бессонница, гостем незваным,
Шутки изволит со мной шутить,
Мол, истина ходит в одеждах рваных
И надо, дескать, ее найти.
Что же, в хоромах мы истин не ищем,
Но в хижинах истиной тоже не пахнет,
И в бочке громадной с выбитым днищем
Истиной нам по мозгам не шарахнет.
Истины нет! Просто нет. Есть Движение!
В жалких попытках понять его суть
Мчимся и мы, поддаваясь влечению
Сложной спирали изведать путь.

Надо полагать, что эти рифмованные философские раздумья были бы желанной находкой для грозы поэтов — ядовитого пародиста Александра Иванова, только ведь он тонко чувствует, кого можно, а кого и нельзя пощекотать насмешкой...

На судне всегда полно работы, и даже ночью нельзя вполне расслабиться от забот. На этом отрезке маршрута я полностью осознал всю меру капитанской ответственности. Раскачиваясь в темном и тесном кубрике, спеленутый спальным мешком и оглушаемый храпом беспечного напарника, толковый капитан должен четко различать до десятка одних только разновидностей бульканья. Да, бульканья! Вот под правым бортом плещутся волны, а вот — под левым, но звук другой. Если эти два звука нарушат свой ритм, то значит переменялся ветер и следует опасаться, как бы нас не унесло неведомо куда вместе с якорем. Вот вода переливается под пайолами, значит завтра нужно будет опять ее вычерпывать. Вот булькает бензин в носовом баке, а вот — тот же бензин в расходном бачке. Вот бродит квас в ведре, а вот он же урчит в громадном желудке менестреля...

О, если бы так же различать смутные сигналы и в той, основной, широкой и сложной жизни! Вот скрипит твое застарелое заблуждение, вот испускает последние пузыри твоя радужная надежда, вот робко скребется у порога успех, а вот в последнем предупреждении замирает изношенное сердце...

Большей частью мы на реке совершенно одни гоняемся за ненадежными порывами ветра. Караваны судов обычно появляются к вечеру, когда мы уже ищем укромное место для ночной стоянки. Около редких населенных пунктов подвергаемся атакам моторных лодок, управляемых подростками, и нашествиям шустрых детишек. Здесь еще купаются вовсю. А однажды даже самолет АН-2 совершил над нами круг почета. Над рекой все больше сгущается сизая дымка. Душно.

День военно-морского флота мы встретили в поселке Карымкары. Здесь познакомились с гидрологами из Минска. На их прекрасном стационаре помылись в бане, посмотрели телевизор, подзарядили аккумулятор и запаслись дистиллированной водой, насладились разговорами над малосолевой нельмой, принимали и у себя на борту гостей. Наутро неплохо выступили с парусными учениями, воспользовавшись невесть откуда набежавшим ветерком.

«Стационар у минчан весьма солидный, а мы все-таки просто-напросто бичи», — записал я тогда в дневнике и в вахтенном журнале. Именно здесь мы ясно почувствовали, насколько мы все-таки одичали в нашем экзотическом странствии. Как-то еще на Тоболе Ипполитов без всякого предупреждения ровно час не промолвил ни слова, наблюдая за нашей оживленной беседой, а потом еще около часа колдовал над какими-то статистическими выкладками. Результаты оказались сокрушительными.

— Вот статистика! За один час каждый из вас, уважаемые коллеги, произнес по 40 — 50 слов или выражений-паразитов, а попросту говоря, непечатных оборотов. Наиболее употребительны следующие выражения (зачитывается короткий список). Как видите, ваш словарный запас поразительно беден, а фантазия крайне убога: абсолютно преобладают пошлые штампы. Достойны упоминания лишь единичные, более или менее оригинальные и изысканные речевые обороты (зачитываются). Удивляюсь, как вы вообще понимаете друг друга. От титулованной и остепененной академической элиты хотелось бы ожидать большего. Мне стыдно за вас, друзья!

Мы корчились от позора, как черти на сковородке, а потом еще несколько дней боялись открывать рты. Глянешь этак по сторонам... и сдержанно крякнешь. Черная меланхолия царила на корабле. Ученый секретарь института Нина Петровна Пичугина, навестившая нас в Тобольске, даже удивилась: «Что это вы все мычите да крякаете? Прямо зверинец какой-то!».

К райцентру Октябрьское мы подошли по несудовой протоке, вспугнув по пути десятки браконьеров, промышляющих плавными сетями муксуна. Нелегкий это промысел: ночью на волне и ветру плавить сети, опасаясь представителей закона, конкурентов и затонувших коряг... Добро бы можно было в магазине этой благородной рыбы купить, а то ведь отправляют ее невесть на чей стол, а то она еще и квасится где-нибудь в ржавом трюме, а то и всплывет сама собой кверху брюхом от какой-нибудь химии...

Ночевали на якоре, напротив Октябрьского, прямо на Великом Браконьерском Пути, который здесь называется «плав». Осмелевшие браконьеры, удостоверившись в наших мирных намерениях, завалили кокпит полуаршинными язями. Не знаем, что и делать с этой, по местным понятиям, поистине «сорной» рыбой... В Октябрьском я еще в прошлом году пользовался любезным гостеприимством главного лесничего лесхоза Николая Семеновича Лошкарева. В Тюменской области вообще работает очень много выпускников нашего Уральского песотехнического института.

4 августа мы были в Сергино у железнодорожной станции Приобье, чтобы встретить капитана, но Филатыч в этот день так и не приехал. Андрей купил себе билет до Свердловска на 6 августа. А еще мы познакомимся с ребятами из Нижнего Тагила, которые пробирались на Обь, но сильно заинтересовались нашим судном: оказывается у них есть свой яхтклуб. Сначала они издали снимали нас на кинолентку, потом мы все дружно пообедали у нас в кокпите и воздали должное их домашней калгановой настойке. На ночь мы ушли на якорную стоянку в ближайшую неходовую протоку.

Утренним поездом Филатыч не приехал, и нужно было ждать дополнительного вечернего поезда. На день мы стали рядом с пассажирским причалом, благодаря чему смогли пронаблюдать множество забавнейших эпизодов, самым копоритным из которых была все-таки операция под кодовым названием «Эпрон».

Метрах в десяти от нас, уткнувшись носом в берег, стоял щегольской разъездной катер с могучим 100-сильным мотором. Мы с Андреем посиживали в кокпите, нежились на солнце, покуривали и лениво обсуждали мореходные достоинства покачивающегося перед нами великолепного судна. Только вдруг оно именно на наших глазах как-то судорожно дрогнуло и с легким вздохом начало быстро погружаться кормой. Мы изумленно переглянулись: «Что за чертовщина!» А когда перевели взгляды на «ныряющего голландца», то из воды торчали только его нос и крыша каюты, а течение уносило прочь бойкие пузыри и разводы бензина...

Мы устроились поудобней, примерно как на длительное бдение у телевизора, не забыв предварительно поставить чайник на плиту. Между тем отовсюду набегали благодарные зрители, а вот уже несутся разопREVшие «невесть отчего» хозяева утопшего катера. Как бы теперь пригодилась вчерашняя кинокамера! Но только без звукозаписи... Темпераментно обменявшись авторитетными мнениями между собой и болельщиками, пострадавшие судовладельцы куда-то исчезли, но вскоре вновь появились, облепив моего земляка — автомобиль «Урал». Вот они уже зацепляют трос за носовую «утку» катера: «Урал» добродушно уркает, и «утка» вместе с «мясом»

покидает свое насиженное гнездо... Теперь трос набрасывают сразу на две оставшиеся правую и левую «утки». Правильно! Уж если кончать «птичек», так разом! «Урал» сдержанно урчит, катер подается вперед; «птички», сами понимаете, крикают... Катер погружается еще основательней...

Спасатели в бешенстве разгоняют восторженную публику. Нас они благоразумно не трогают: здесь они и сами могут «по рогам схлопотать», тем более что мы их совершенно бесплатно консультируем. Теперь они решают завести буксирный трос под корму, что и следовало делать с самого начала. Но для этого надо же нырять! И вот уже самый бравый из них, с кучей наколок на тощей груди, повизгивая, погружается «в легком водолазном снаряжении». Но трос много короче, чем требуется, а «Урал» и так еле держится на обрывистом берегу. Тогда все уходит. Их нет долго, и мы уже начинаем скучать.

Но вот эпроновцы появляются с грудой тросов. Спектакль продолжается. Они, видать, где-то «подгорячились» и действуют очень уверенно. Во всяком случае в воду лезут уже двое моржей. Третий с крайней неохотой присоединяется к ним, скатившись с наклонной крыши каюты, откуда он пытался осуществить общее руководство операцией... В воде царит оживление, как на детском утреннике с раздачей подарков, но здесь раздаются эпитеты...

В конце концов удается опоясать тросом корму. «Урал» рычит, трос натягивается, катер пелиафаном выползает из воды до половины корпуса. Вместе с заполнившей его водой все это сооружение весит никак не меньше десятка тонн. Через иллюминаторы видно интерьер каюты, временно переоборудованной под аквариум... Но не успеваем мы налюбоваться тайнами подводной жизни, как трос со свистом лопается в каком-то из многочисленных соединений и катер возвращается в полюбившуюся ему речную купель... Нет слов!

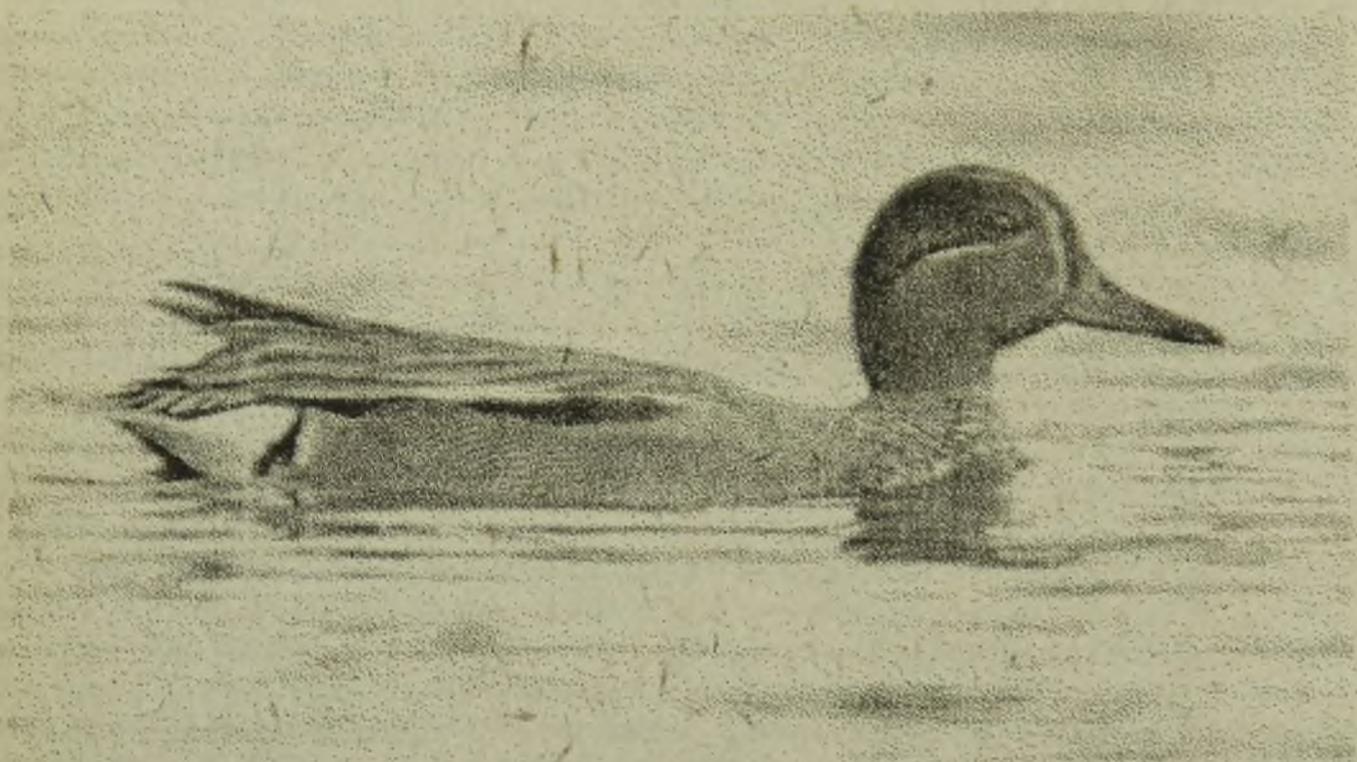
Дубль всей процедуры получился удачным. Катер все-таки вырвали из пучины! Сергинское отделение «Эпрона» могло торжествовать победу над стихией, к чему, надо полагать, оно и приступило немедля, величаво удалившись на славно потрудившемся «Урале».

Мы с Андреем тщательно обследовали подводную часть катера-утопленника, но ничего достойного внимания не нашли, кроме банального, но в данном случае красноречиво полого отверстия для слива подсланевых вод. Именно распозабывтая пробка, невесть каким образом выпавшая и неведомо где затонувшая, и послужила торпедой, потопившей могучий корабль. Ну, что же, именно на пробках подрывались и не такие корабли!

Эту мораль, кстати, совершенно не по адресу, мы наглядно преподнесли своему подоспевшему с поезда капитану. Надо полагать, что у него спадко защемило сердце, когда он увидел свое бело-голубое детище горделиво покачивающимся на бурных волнах оживленной Сергинской ходовой протоки. Во всяком случае он выразил нам благодарность, прежде всего в виде неподъемного рюкзака со свежей картошкой, помидорами и прочей всякой витаминизированной снедью. Потом он выразительно пощелкал по увесистой бутылки с чем-то идеально прозрачным... Пароль принят. Мы уходим на нашу прежнюю якорную стоянку. Завтра Андрею уезжать, и мы его посадим на паровоз. Нечего ему «бичевать» на вокзале этого «международного» порта!

Чирок-свистунок

Ю. Гордеев

В первую декаду мая, когда полетели на север утки, отец в один из вечеров ушел на охоту. Утром на столе уже лежала добыча — три утки. Одна была большая, две другие маленькие, и у всех в оперении выделялись зеленые цвета. Я вначале подумал, что большая — родительница, а маленькие — ее дети, но отец разъяснил, что большую звать кряква, а маленьких чирки-свистунки.

Чирок-свистунок на севере после связыи и шилохвосты принадлежит к самым обычным речным уткам. Он часто попадает под выстрелы охотников, хотя и не прельщает их своим весом. Весенний самец, к примеру, тянет всего 300 граммов и надо добыть в эту пору трех, чтобы заменить одну крякву.

Чирок неприхотлив в выборе мест летнего обитания, и хотя принадлежит к речным уткам, селится и на моховых болотах. Его увидишь на просторном сору и совсем маленькой песной луже, слетая с которой он не хуже рябчика проныривает между древесных стволов и ветвей. Маленький, юркий, он почти два месяца своим негромким голосом оживляет мелкие водоемы. Именно его голос вместе с голосами связыи и шилохвосты создает особый звуковой фон, характерный для белых ночей севера и трогающий душу охотника.

Голос чирка-самца звучит примерно как «прить! или «фрить!». Видимо, он послужил поводом для его названия охотниками ханты как «пыре», а манси — «пирва». Голос чирка — своеобразная звуковая срочная «телеграмма». Она оповещает уток, что селезень-самец свободен и надо торопиться: срок избыточных весенних жизненных сил короток, с прилета до середины июня. Собираясь на линьку, чирки умолкают до следующей весны, поэтому так настойчиво днем и ночью подают свои голоса самцы. Активно искать самочек самцов заставляют суровые условия жизни, связанные с большой гибелью на пролете от места зимовок на родину. В пути гибнут как самцы, так и самочки, и пары, которые сложились на зимовках, распадаются. Приходится на родине вновь создавать пару, используя для привлечения самки

и голос, когда она далеко, и красоту оперения, и различные движения, когда она близко. Одной из замечательных особенностей в весенней окраске чирка-самца, как и других черных уток, является очень своеобразное украшение на крыльях — «зеркальце», которое у каждого вида имеет свои цветовые различия. Рассматривая зеркальце, самочка определяет возраст самца. Самец в свою очередь по такому же зеркальцу у самочки определяет принадлежность ее к данному виду. Это особенно важно в сумерках и у тех уток, которые близки друг к другу по размерам. Чирку-свистунку, например, «зеркальце» помогает отличить свою самочку от похожей самочки чирка-трескунка.

Услышав тихий призывный голос самки или увидев ее, пролетая над озерами, самец смолкает, садится на воду и спешит к ней навстречу. Порой, чтоб еще больше поразить ее, вертится, чуть расправляя крылья и показывая «зеркальце», которое у него состоит из четырех цветов и имеет форму вытянутого ромбика. Срединка его из зеленых перышек, спереди полоска из белых, сверху и снизу — из черных, сзади — из палевых.

Весной привлекательную окраску имеет не только «зеркальце» самца, но и весь он, особенно голова. Она темно-коричневая с зеленым, похожим на листик пятном, идущим от глаз к затылку. Грудь в серых пятнышках, переходящих на боках в струйчатый рисунок.

Первое знакомство продолжается, и если самочке понравится кавалер, она покачивает головкой, если нет, то стремительно взлетает и тут же начинается гонка преследования. Пока пара кружит, к ней часто присоединяются другие самцы, и тогда гонка становится состязанием, в котором побеждает более сильный. Отгнав соперников, он с самочкой удаляется на какое-либо озерко. Здесь они отдыхают. Самочка больше кормится, тогда как самец, плавая рядом, прислушивается к голосам соперников-неудачников и молчит, чтобы не привлечь их внимание.

Отдохнув, самочка принимается за поиски места для гнезда; если оно окажется неудачным, перелетает на другое озеро.

Когда место для гнезда найдено (а это чаще кусты со старой полегшей травой, порой далеко от воды), самочка приступает к откладке яиц и насиживанию. Двадцать дней она сидит, все реже слетая за кормом, пока не вылупятся совсем маленькие утятки.

Пока самочка сидит на гнезде, в природе происходят разные изменения, особенно в долинах рек. Если слишком высоко поднимается вода, то гнезда могут погибнуть, если рано уходит, утятам приходится порой долго добираться до воды.

Во время первого путешествия крохотных птенчиков кругом поджидает опасность. Ей может оказаться даже глубокая ямка от копыта лошади или коровы, не говоря о жадных серых воронах да крупных чайках.

Но вот семья добирается до воды, и все дружной стайкой следуют за матерью, собирая разную живность с поверхности водоема и стеблей травинки. Плавают кучкой на глазах у матери, и как только кто-то отстает, сразу раздается тоненький жалобный писк. По нему мать быстро находит отставшего и приводит в семью. Бывает, что далеко отстанет утенок, и тогда первыми его жалобный писк услышат ворона или чайка и быстро расправятся с ним.

К концу июля птенцы подрастают, нежный коричневый пух заменяется буроватыми перышками. Утята теперь, собирая корм, нет-нет да и замашут крыльями. В начале августа крылья настолько окрепнут, что чирочки начинают совершать первые взлеты над водой, а потом — перелеты на кормежку с «дневных» озер на «ночные». Если дневные озера представляют собой водоемы с зарослями травы по кочковатым берегам, то ночные отличаются широкими и открытыми отмелями с мягким илом — «няшей». «Няша» для чирков и других уток — скатерть-самобранка. В ней после убыли воды скапливается громадное количество беспозвоночных: червей, моллюсков, личинок. Она в эту пору — живой «паштет», выбирай себе в темноте что вкуснее.

За несколько ночных часов утки насыщаются так, что днем дремлют в траве да чистят оперение, которое каждый день подрастает, однако красочным не становится, и лишь зеркальца приобретают свой характерный цвет, правда, не полностью.

Сентябрь для чирков, как и других уток — предлетное время. В этом месяце молодые и старые жируют вместе и ждут прихода холодов. Как только падет иней и первый ледок забелеет на лужицах, чирки отправляются в обратный путь на зимовку до следующего года. Теперь они летят молча в темноте, не привлекая внимания.

Письма в редакцию

Казара летит...

Радостно мне слышать «любовные разговоры» перелетных стай, спешащих в северные свои обиталища. Сколько музыки, сколько любви и жизни в их криках! Нет вины пернатых в том, что оказались мы нынче в водовороте проблем, очерствели душой, стали жестче и безжалостней. Уйдем мы, останутся наши дети и внуки. И ради них мы обязаны сохранить летящие на Север стаи, крики казары и перекличку связей.

Может быть, отстрел определенного количества перелетных птиц, кроме тех, что занесены в Красную книгу (краснозобая казара, например) по лицензиям — разрешениям и не нанесет большого вреда природе. И все же отношение к этой прекрасной птице — казаре, малому гусю (как, впрочем, и ко всем «братьям нашим меньшим») должно быть бережным.

И будут ждать осенними зорьками охотники пролета казары. Но тщетно — идет малый гусь на высоте, как говорят профессионалы, «с кислородом», торопится в южные края.

Охотник, не поднимай ружье на стаи казары! Пусть летит, пусть живет!

В. Шаталин

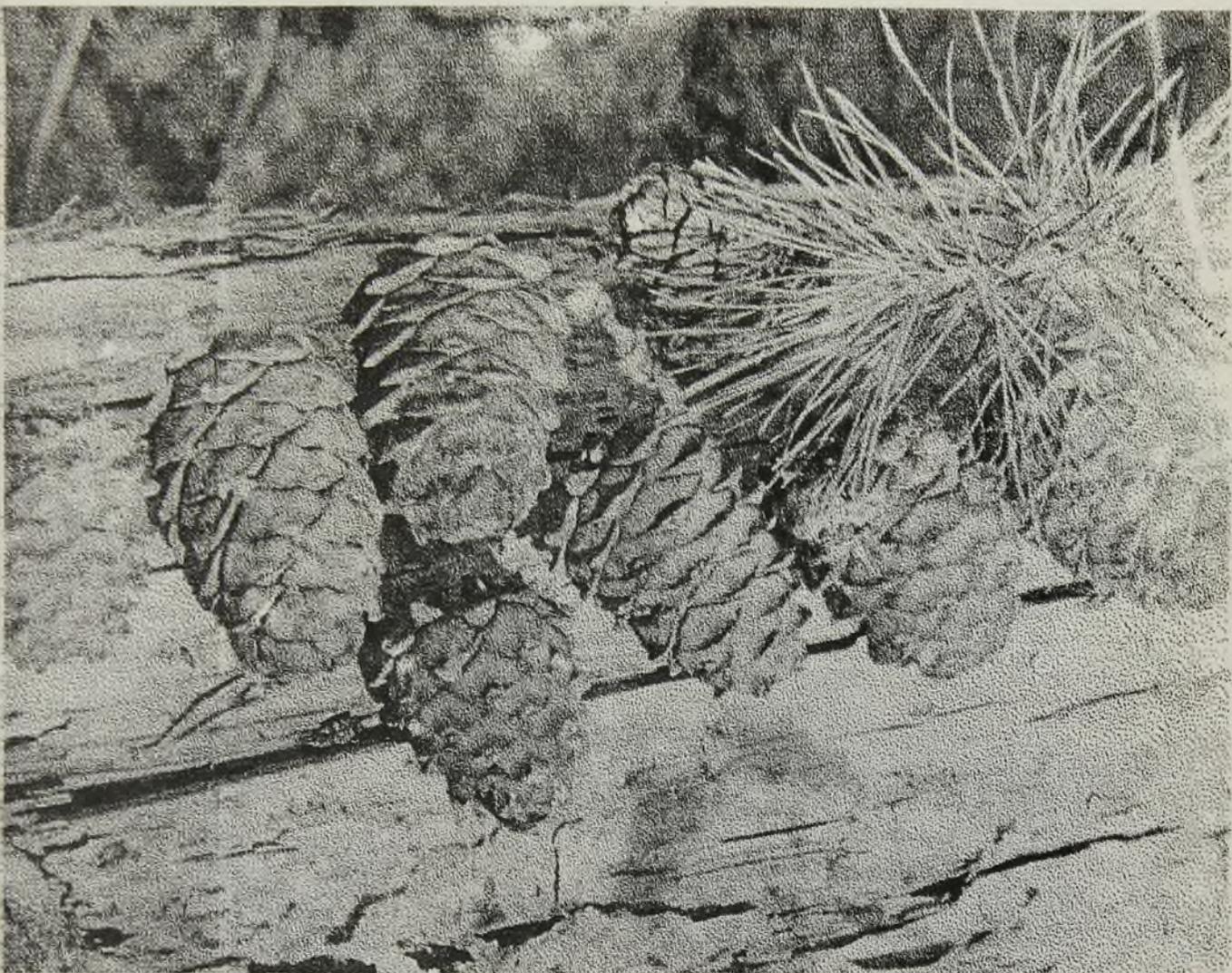
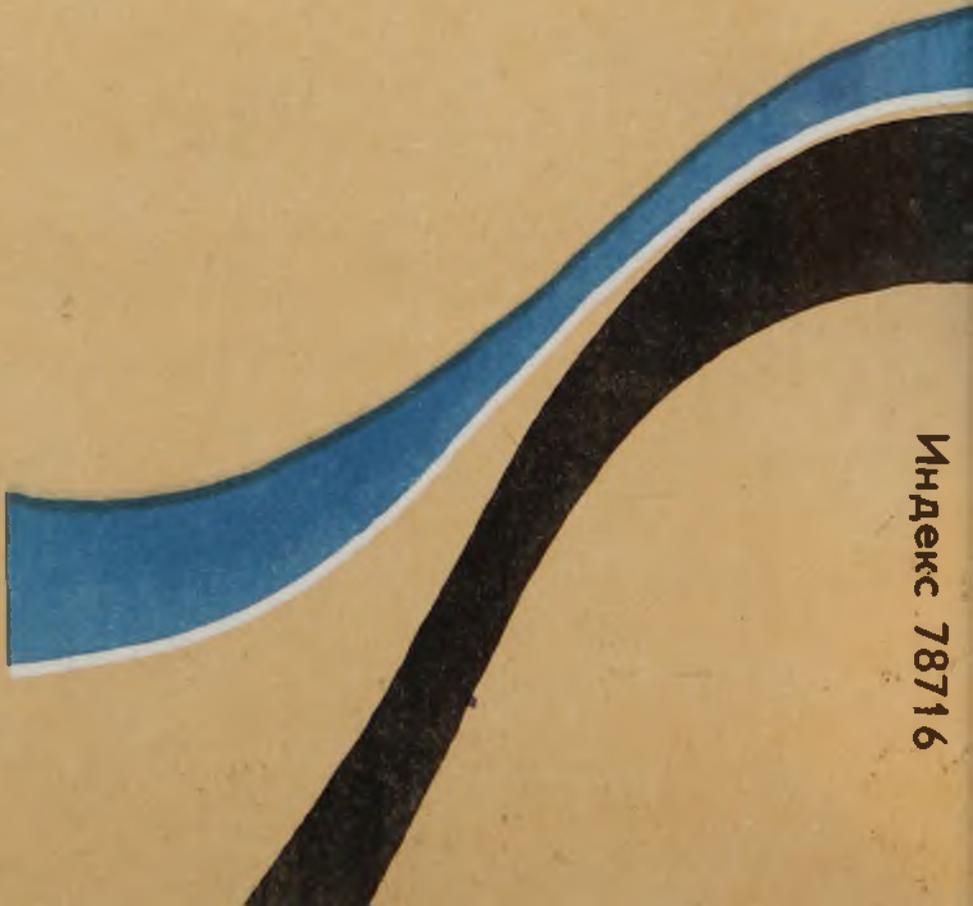

Фото В. Назарова

Индекс 78716